
exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2017 №3

Содержание

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель
Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный редактор
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь
А. В. Кожевникова (г. Иркутск)

Редакционный совет:
К. С. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. А. Смирнов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:
664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются*

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2017

Колосов А. В. О летней правовой школе в Университете г. Люблины	2
Анисимов И. В. Правовой статус священника в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	7
Бушуева Я. А. Меры принуждения в сфере защиты конкуренции: особенности и классификация	11
Давыдов А. А., Макрицкая Е. Д. Уголовно-процессуальные основы международного взаимодействия при расследовании трансграничных экологических преступлений	16
Князев Г. А. Особенности совершения исполнительной надписи нотариуса	20
Лабыгина Ю. А. Тайна переписки и иных сообщений в Российской Федерации и зарубежных странах	23
Огородников М. М. Религиозный фактор в правотворческой деятельности Израиля в прошлом и на современном этапе	26
Распутин Н. В. Формирование центральных органов власти в сфере регистрации религиозных организаций в СССР	30
Рыкова А. А. Необходимая оборона: история развития института	33
Сафронов М. В. Еще раз к вопросу об определении момента начала жизни для уголовно-правовой квалификации содеянного в качестве убийства	36
Фефелова Н. Д. Публично-правовые ограничения и запреты трансграничного усыновления	41
Чагин И. Б. Проблемы формирования органов конституционного контроля: зарубежный опыт и российская действительность	44
Шмакова В. С. Временная финансовая администрация как одна из мер федерального вмешательства в деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации	47

О летней правовой школе в Университете г. Любляны

Современное юридическое образование предполагает использование новых форм и методов обучения, важное место среди которых занимают летние правовые школы. В период летних каникул студенты получают возможность закрепить свои теоретические знания, ознакомиться с последними научными достижениями, развить коммуникативные способности и приобрести навыки коллективной работы. Университетские преподаватели благодаря этим школам повышают свое профессиональное мастерство, обмениваются опытом с российскими и зарубежными коллегами. Проведение занятий на иностранном языке способствует еще и познанию иностранной юридической терминологии и укреплению международных научных связей.

В июле 2017 г. студенты и преподаватели Юридического института Иркутского государственного университета и юридического факультета Люблянского университета приняли участие в работе летней правовой школы *The Fundamentals of the Constitutional System of the Russian Federation* («Основы конституционного строя Российской Федерации»), которая проходила в г. Любляне (Республика Словения). Юридический институт представляли заведующий кафедрой уголовного права Р. В. Кравцов, заведующий кафедрой административного и финансового права Н. В. Колосов, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения М. Г. Тирских, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения А. В. Колосов и двое студентов международно-правового отделения. Люблянский университет был представлен профессором Янезом Краньцом, аспирантами и студентами юридического факультета.

Участники правовой школы подготовили цикл лекций на английском языке по актуальным вопросам конституционного развития России.

Первая лекция была посвящена понятию конституционного строя Российской Федерации (*The concept of the constitutional system of the Russian Federation*). В рамках лекционного занятия было отмечено, что концепт «Основы конституционного строя» является новым для конституционного права России и впервые был формализован в первой главе Конституции РФ 1993 г. Представлена схема, в соответствии с которой в основы конституционного строя Российской Федерации включены политические, экономические и социальные основы.

Политические основы – это важные характеристики государства, а также общественные отношения, которые возникают по поводу осу-

ществления государственной власти. Среди элементов политических основ государства были выделены демократическое государство, федеративное государство, правовое государство и республиканская форма правления.

Статья 8 Конституции РФ закрепляет основы экономической системы РФ: единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

Социальные основы представляют собой направления политики государства по улучшению жизни и благосостояния граждан, обеспечению равных возможностей и удовлетворению духовных и материальных нужд населения.

Федеративное устройство Российской Федерации стало темой следующей лекции (*The Federal Structure*). Государственная система России базируется на принципе федерализма. Под федеративным государством понимается государство с такой формой территориального деления, в соответствии с которой составные его части (субъекты) обладают самостоятельностью, имеют свою систему государственных органов и законодательство. Российскую Федерацию составляют республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа, являющиеся субъектами Федерации. Однако важно отметить, что только Россия как федерация обладает суверенитетом, верховенство федерального закона распространяется на всю территорию страны (что подтверждается и практикой Конституционного Суда РФ), включая территорию любого субъекта Федерации. Ни один субъект не имеет права выйти из Федерации и самостоятельно изменить свой статус.

Конституция РФ (ст. 71–73) закрепляет разделение предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами РФ. Статья 71 посвящена предметам ведения Российской Федерации, ст. 72 описывает предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, ст. 73 определяет круг вопросов, относимых к предметам ведения субъектов РФ.

Особую заинтересованность у студентов вызвало деление территории России на девять федеральных округов. Федеральный округ – это территория, на которой Президента РФ представляет его полномочный представитель. Цель этой системы заключается в облегчении взаимодействия между главой государства и органами власти субъектов России, поддержке реализации президентских полномочий, функционировании

системы контроля над региональными органами власти, а также повышении эффективности деятельности федеральных органов.

Одной из самых обсуждаемых стала лекция о правах и свободах человека и гражданина (Rights and Freedoms of Man and Citizen).

Институт прав и свобод человека и гражданина в значительной степени стандартизирован и регулируется многими международными договорами, пактами и конвенциями. Первым крупным международным актом стала Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. В 1966 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. Данные акты предусматривают более детальный перечень прав человека и гражданина. Кроме того, Пактом о гражданских и политических правах предусматривается создание Комитета по правам человека. Одним из основных документов Совета Европы является Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Этот международный договор подписан в 1950 г. и вступил в силу 3 сентября 1953 г. Конвенция о защите прав человека и основных свобод устанавливает неотъемлемые права и свободы и обязывает государства гарантировать данные права. Конвенция определяет механизм защиты закрепленных прав. Обеспечивает защиту прав Европейский суд по правам человека, который рассматривает индивидуальные и коллективные жалобы на нарушения Конвенции. Любой житель или гражданин государств Совета Европы, считающий, что его права и свободы, изложенные в какой-либо из статей Конвенции и протоколах к ней, были нарушены, имеет возможность обратиться в Европейский суд по правам человека.

Институт правового статуса личности, занимает важное место в российском конституционном праве и закрепляется в гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Более детально отдельные конституционные права и свободы человека и гражданина, их содержание и порядок реализации регламентируется федеральным законодательством. К таким актам относятся Федеральный конституционный закон «О референдуме в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и мн. др. Лектором была предложена классификация прав и свобод человека и гражданина (гражданские, политические, экономические, социальные и культурные; права челове-

ка и права гражданина; права первого, второго и третьего поколения и др.).

Важной конституционной гарантией прав личности является создание в России института уполномоченного по правам человека. Учреждение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации как государственного органа стало одним из важнейших достижений в области защиты прав человека в России. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации был учрежден в целях обеспечения защиты публичных прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и государственными служащими. Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» определяет статус, порядок назначения, освобождения от должности, компетенцию уполномоченного. Уполномоченный по правам человека независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

После лекции были рассмотрены вопросы реализации прав человека, студенты также поделились своим мнением о том, какие проблемы наиболее характерны в этой области для России и Республики Словения.

О Президенте РФ (The President of the Russian Federation) говорилось на следующей лекции. Конституция РФ предусматривает разделение властей на законодательную, которая представлена Федеральным Собранием РФ; исполнительную власть в лице Правительства РФ и судебную власть, которая реализуется судами РФ. Но какое место в этой системе занимает Президент России? Президент РФ входит ни в одну из ветвей власти. Являясь главой государства, он имеет собственные полномочия и связан с каждой из них.

Президент РФ, как это установлено в ст. 81 Конституции РФ, избирается сроком на шесть лет гражданами РФ. Президентом РФ может быть избран гражданин РФ не моложе 35 лет, постоянно проживающий в РФ не менее 10 лет.

На лекции детально были проанализированы стадии избирательного процесса: выдвижение кандидатов, регистрация в Центральной избирательной комиссии, выборы, процесс подсчета, объявление победителя и процедура инаугурации.

Все полномочия президента были классифицированы по различным основаниям: в сфере взаимодействия с федеральными органами (Федеральным Собранием РФ, правительством, судебными органами); в сфере взаимодействия с органами субъектов РФ; в сфере государственной обороны и безопасности; в сфере внешних дел государства и т. п.

Особый интерес у студентов вызвали акты, принимаемые Президентом РФ. Указы являются обязательными нормативными актами. Они со-

держат общие правила поведения и рассчитаны на многократное применение неопределенным кругом лиц. Некоторые указы носят индивидуальный характер – например, указ о награждении государственными наградами, о политическом убежище, о помиловании и т. д. Распоряжения имеют вспомогательное значение – например, распоряжения в области регулирования деятельности администрации Президента РФ.

Также на лекции была рассмотрена деятельность органов, которые осуществляют помощь и консультирование Президента РФ по различным направлениям его деятельности.

Федеральное Собрание РФ (The Federal Assembly of the Russian Federation) – тема следующей лекции. Статья 94 Конституции РФ закрепляет, что Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Также Конституция РФ установила двухпалатную структуру Федерального Собрания, которое состоит из Государственной Думы и Совета Федерации. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта РФ. Таким образом обеспечивается представительство каждого из субъектов РФ. Государственная Дума состоит из 450 депутатов, избираемых гражданами РФ.

Федеральное Собрание РФ является постоянно действующим органом и обладает независимостью в системе органов государственной власти. Данный орган утверждает бюджет и определяет собственные расходы, самостоятельно устанавливает структуру, численность аппарата, порядок своей работы и т. п.

Федеральное Собрание РФ обладает исключительным правом принимать общеобязательные для исполнения на территории страны правовые акты – федеральные конституционные законы и федеральные законы. Законодательная деятельность Федерального Собрания РФ ограничивается только Конституцией РФ.

Правовой статус Правительства РФ (The Government of the Russian Federation) был проанализирован в рамках другой лекции. Исполнение и реализация законов является главной функцией исполнительной власти. Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ. Конституционно-правовой статус и место Правительства РФ в системе органов государственной власти определяется Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации».

Правительство РФ является высшим исполнительным органом государственной власти, организует исполнение Конституции РФ, международных договоров РФ, федеральных конституционных и федеральных законов, указов Президента РФ. Правительство РФ контролирует

исполнение федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ Конституции и федеральных законов, принимает в рамках своих полномочий меры по устранению нарушений в законодательстве.

К федеральным органам исполнительной власти относятся федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства. Организация и порядок деятельности федеральных органов исполнительной власти регулируется указами Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Федеральные министерства занимаются разработкой государственной политики и нормативно-правовым регулированием в различных сферах деятельности, координацией деятельности федеральных служб и агентств.

Федеральные службы осуществляют контроль и надзор в определенной сфере деятельности (здравоохранение, оборона, финансовый мониторинг, окружающая среда, природопользование и т. п.).

Федеральные агентства выполняют функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением контроля и надзора.

Третьей ветви власти и прокуратуре было уделено особое внимание на отдельном занятии. Судебная власть и прокуратура (Judicial Power and Public Prosecutor's Office) имеют большое значение в области охраны прав и свобод человека. Для реализации их задачи требуется внедрение в жизнь права граждан на справедливое судебное разбирательство. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» закрепляет единство судебной системы, которая обеспечивается путем установления судебной системы Российской Федерации Конституцией РФ и федеральным конституционным законом; соблюдения всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства; применения всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, а также конституций (уставов) и других законов субъектов РФ; признания обязательности исполнения на всей территории РФ судебных постановлений, вступивших в законную силу; законодательного закрепления един-

ства статуса судей; финансирования федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета.

Закон утверждает также четкий порядок создания и упразднения судов.

Согласно ст. 118 Конституции РФ судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством четырех видов судопроизводства: конституционного, гражданского, административного и уголовного. Каждый вид судопроизводства имеет свои процессуальные особенности, закрепленные в соответствующих кодексах (Гражданский процессуальный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ).

В Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов РФ, составляющие судебную систему Российской Федерации. К федеральным судам относятся: Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

К судам субъектов РФ относятся: конституционные (уставные) суды субъектов РФ, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ.

В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура РФ – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ. Прокуратура обеспечивает верховенство закона, защиту прав и свобод человека и гражданина и охраняемых законом интересов общества и государства. Служба в органах и учреждениях прокуратуры является видом федеральной государственной службы. Прокуроры участвуют в рассмотрении дел судами. Также прокуратура принимает участие в правотворческой деятельности.

Местное самоуправление (Local self-Government) как уровень власти, наиболее приближенный к населению, не могло остаться нерассмотренным в рамках отдельной лекции. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, оно

признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации. Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Местное самоуправление осуществляется на всей территории РФ с целью привлечения местного населения к самостоятельному решению вопросов местного значения. Местное самоуправление осуществляется через местные референдумы, выборы и муниципальные органы. Нормы Конституции РФ и федерального законодательства содержат положения, определяющие особенности местного самоуправления, которые выражаются в самостоятельности органов местного самоуправления и невключении их в систему органов государственной власти.

В соответствии с указанным федеральным законом, уставами муниципальных образований органы местного самоуправления наделяются компетенцией в решении вопросов местного значения. Структура органов и их наименование принимается населением самостоятельно с учетом исторических, национальных и иных традиций.

По окончании лекции студенты и преподаватели обсудили проблемы формирования органов местного самоуправления, ответственности их должностных лиц.

Во время работы летней правовой школы состоялся круглый стол «Актуальные проблемы реформирования конституционного права в Российской Федерации» (Actual problems of reforming constitutional law in the Russian Federation), где преподаватели и студенты обсудили вопросы современного конституционного развития Российской Федерации и Республики Словения.

Итогом прошедшей летней правовой школы стало получение иностранными студентами новых знаний о состоянии и тенденциях изменения конституционных правоотношений в Российской Федерации.

Все занятия проходили в теплой и дружеской атмосфере благодаря заинтересованному отношению студентов, высокому уровню организации мероприятия и личному участию известного европейского ученого и педагога, профессора Янеза Краньца. С российской стороны большой вклад в формирование коллектива преподавателей – участников школы, а также в определение научной повестки внес директор

Юридического института Иркутского государственного университета О. П. Личичан.

Как и любое международное мероприятие, проводимое совместно Юридическим институтом ИГУ и юридическим факультетом Люблянского университета, летняя правовая школа на протяжении всей работы координировалась руководителем департамента инновационного развития Юридического института ИГУ Н. Н. Булановой и начальником управления международных отношений юридического факультета Люблянского университета Дарьей Рабзель.

Таким образом, летняя правовая школа стала значимым научным событием не только для Юридического института ИГУ и юридического факультета Люблянского университета, но и для юридического сообщества Российской Федерации и Республики Словения.

А. В. Колосов
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
и сравнительного правоведения
Юридического института ИГУ*

Правовой статус священника в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

© Анисимов И. В., 2017

И. В. АНИСИМОВ

студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: igara.anisimov@gmail.com

Научный руководитель:

М. А. Сутурин, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: mialsu@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается роль церкви в жизни лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы. Исследуются положения нормативных правовых актов России, учреждающих институт священничества в уголовно-исполнительной системе. Проводится анализ нормативных актов, регламентирующих деятельность тюремных священников, указываются особенности реализации их правового статуса.

Ключевые слова: тюремный священник, тюремное служение, церковное окормление.

Принятие христианства на Руси является началом первого этапа в истории Русской православной церкви и государства. С этого времени Русская православная церковь накапливает богатый исторический опыт тюремного служения. Православное духовенство осуществляло невероятно важную обязанность – сопровождало приговоренных к смертной казни до места исполнения приговора. До прибытия на место с приговорённым проводились духовные беседы, священнослужитель укреплял дух и успокаивал осуждённого. Сложно представить, какая сила духа и выдержка требовались священнику [6]. Инициатором духовно-церковного окормления мест заключения можно считать митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, который вскоре был избран Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В 1990 г. он посетил колонию строгого режима в Металлострое.

Почему именно сегодня всё чаще проявляется интерес к пастырскому окормлению заключённых? Ответ кроется в разнице обстановки царской и современной тюрьмы. Большое отличие существует и в статусе дореволюционных и современных священников. В Российской империи тюремный священник имел статус капитана.

Разберемся, кто может стать священником в современной пенитенциарной системе страны. Будущие тюремные священнослужители должны освоить образовательную программу, включающую в себя учебный план, перечень учебных дисциплин, тематические планы и учебные программы учебных дисциплин, предназначенные для приобретения знаний, умений и навыков, необходимых слушателям для работы в исправительных учреждениях [2]. Эта программа была разработана Федеральной службой исполнения наказаний и Синодальным отделом по тюремному служению и реализуется с 2011 г. Обу-

чающие семинары обычно проводятся на базе учебных заведений ФСИН. Занятия продолжаются две недели. Курс состоит из трёх элементов – правовой, психолого-педагогической и духовно-пастырской подготовки.

До 2013 г. статус тюремных священников приравнивался к статусу родственников или просто любых гражданских лиц, которые желали посетить осужденного в колонии или подследственного в следственном изоляторе. Вследствие этого священнослужители были очень ограничены в своих возможностях. Было сложно организовать встречу священнослужителя с подследственным. А если удавалось, общение с подследственным осуществлялось только через перегородку, в присутствии сотрудника учреждения. Физический контакт и передача каких бы то ни было предметов не разрешались.

В документе, принятом на заседании Священного синода от 12 марта 2013 г., «Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения» [3] была определена цель тюремного служения – оказание духовно-просветительской, богослужебной, пастырско-душепопечительной и нравственно-реабилитационной помощи заключённым. В этом же документе обозначены и направления тюремного служения:

1. Духовно-просветительная деятельность, которая включает проведение духовно-просветительских бесед, создание и пополнение библиотек, организацию праздников и концертов, конкурсов, соревнований.

2. Богослужебная деятельность подразумевает организацию религиозных общин и оборудование молитвенных помещений, сооружение тюремных храмов. Ярким примером такой деятельности может послужить деятельность священника Глеба Александровича Калеяды, который регулярно посещал Бутырскую тюрьму в

Москве в 1991 г., а спустя 2 года, уже в 1993 г., он был назначен настоятелем восстанавливаемого им тюремного храма в Бутырке. В тюрьме отца Глеба полюбили все. Свое пастырское служение он осуществлял в отношении осужденных к смертной казни, которых сопровождал вплоть до последней минуты их жизни. Отец Глеб скончался в 1994 г., но оставил свой опыт в «Записках тюремного священника» [4].

3. Диаконическое служение и реабилитация заключенных, предусматривающие подготовку к освобождению из заключения и к жизни на свободе, психологическую и благотворительную, юридическую помощь не только освобожденным заключенным, но и их семьям, создание дневных (для приходящих) центров социальной адаптации (реабилитации) для бывших заключенных на базе приходов или монастырей [4].

В третьей главе рассматриваемого документа обозначены основные виды миссий тюремного служения церкви в пенитенциарных учреждениях:

1. Институт пенитенциарных священнослужителей. В его составе:

а) постоянный тюремный священник. Им может быть настоятель или клирик тюремного храма, находящегося на режимной территории в местах принудительного содержания, который назначается епархиальным архиереем по согласованию с руководством пенитенциарного учреждения и осуществляет пастырско-душепопечительную деятельность на постоянной основе. Такой священник отвечает за организацию службы;

б) приходской тюремный священнослужитель. Им может быть настоятель или штатный клирик приходского храма, находящегося рядом с учреждением уголовно-исполнительной системы (УИС). Это единственное, что разделяет приходского священнослужителя от постоянного. Приходской священнослужитель также осуществляет свою деятельность на постоянной основе;

в) приходской пенитенциарный священнослужитель – настоятель или штатный клирик приходского храма, назначенный епархиальным архиереем осуществлять духовно-пастырское окормление членов семей лиц, находящихся в учреждениях, исполняющих наказания, освобожденных из заключения осужденных;

г) священнослужитель, сферой деятельности которого является защита достоинства, свободы и прав человека по отношению не только к заключенным, но и сотрудникам УИС, их семьям.

2. Координатор тюремного служения – штатный сотрудник религиозной организации.

3. Штатный сотрудник церковного учреждения в сфере тюремного служения заключенных. Для него церковное тюремное служение является основным родом профессиональной деятельности. Пастырское попечение о таком

сотруднике – сфера ответственности духовников церковных учреждений тюремного служения.

4. Доброволец (волонтер) – человек, в свободное время принимающий на безвозмездной основе личное участие в тюремном церковном служении [4].

На данный момент нет законодательно закреплённого статуса священника, окормляющего тюрьму.

Но существует проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования деятельности религиозных организаций в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [5], который пока не внесён в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (текст по состоянию на 17.10.2012 г.). Проект подготовлен Минюстом РФ. В главе 15 «Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осуждённых в исправительных учреждениях» сказано, что в целях взаимодействия священнослужителей религиозных организаций в исправительных учреждениях между исправительным учреждением и религиозной организацией заключается соглашение о взаимодействии. Требования к содержанию соглашения и порядок его заключения исправительным учреждением утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний [6].

Священнослужители при совершении духовно-просветительной деятельности руководствуются законодательством Российской Федерации. Не стоит забывать, что в обязательном порядке они должны подчиняться правилам внутреннего распорядка и законным требованиям администрации учреждения. Священнослужители имеют право проносить свои предметы, необходимые для проведения религиозных мероприятий, обрядов и церемоний.

На практике отмечались случаи, когда родственники заключённых просили передать какие-либо вещи через священника. Такие обращения пресекались. Но иногда родственники передавали через священника заключенному религиозную литературу. Священник не мог отказать в такой просьбе, но он шёл на маленькую хитрость: оставлял у себя переданную литературу, а свою, идентичную переданной, вручал заключенным, предотвращая таким образом возможность связаться с «внешним миром». Перечень предметов, которые могут проносить священнослужители, утверждается федеральным органом исполнительной власти, контролирующим выработку и реализацию государственной политики и нормативно-правовое регулирова-

ние в сфере исполнения уголовных наказаний, по представлению централизованной религиозной организации

Сотрудники пенитенциарной системы обязаны досматривать священнослужителей, их вещи, транспортное средство и литературу, необходимую для духовно-просветительной деятельности. Такой порядок определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации по возможности с учетом внутренних установлений религиозных организаций. Личные встречи со священником предоставляются с соблюдением правил внутреннего распорядка в присутствии представителя администрации учреждения. По заявлению осужденного и с письменного согласия лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, и священнослужителя религиозной организации личная встреча предоставляется наедине и вне пределов слышимости третьих лиц с использованием технических средств видеонаблюдения [6]. Также хочется отметить очень интересное право тюремного батюшки – право ходатайствовать перед администрацией учреждений или вышестоящими органами о воздаянии осужденных, смягчении наказания, помиловании, в случае если они раскаялись в совершенном преступлении, не имеют взысканий или если взыскания сняты, а главное – отличаются примерным поведением. Сами священнослужители в своих интервью упоминали случаи, когда по их просьбе осужденного переводили в другую камеру.

В Иркутской епархии ведётся активная работа в области тюремного служения на основе договора о сотрудничестве [1], подписанного ГУИН и Иркутской епархией еще 12 апреля 2005 г. В договоре согласованы положения, которые должны быть реализованы во всех исправительных учреждениях, а именно наличие молитвенных комнат. Силами самих заключенных построены православные храмы, где проводятся религиозные ритуалы.

Однако остается еще много вопросов, требующих решения:

во-первых, до сих пор не устранены разногласия по поводу пользы тюремного священника в уголовно-исполнительной системе. В основном высказываются мнения о том, что священники чрезвычайно нужны для окормления заключённых. Но статус священника в УИС необходимо законодательно закрепить;

во-вторых, ведутся споры относительно включения священника в систему исполнения наказаний. По данному вопросу дискуссий намного меньше. Большинство авторов (протоиереи Глеб Калеяда, Феодор Соколов) занимают позицию, согласно которой введение тюремного священничества в штат ФСИН, будет ошибочно, осуждённые просто потеряют к ним доверие. Что касается заработной платы, то зарплата должна выплачиваться не от Федеральной службы исполнения наказаний, а от церкви;

в-третьих, присутствие представителей церкви в местах лишения свободы помогает многим заключенным обратиться к Богу, способствует их духовному окормлению, что выражается в сокращении количества суицидов, фактов унижения достоинства человеческой личности и других противоправных действий по отношению друг к другу среди осужденных.

Список литературы

1. Благотворительная душа будет насыщена [Электронный ресурс] // Иркут. епархия : сайт. – URL: <http://iemp.ru/lenta.php?ID=4272>.
2. Взаимодействие Русской Православной Церкви с государственной системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 16–17 окт. 2013 г.). – Рязань : Акад. ФСИН России, 2014. – 185 с.
3. Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения [Электронный ресурс] : офиц. сайт Моск. Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html>.
4. Остановитесь на путях ваших... Записки тюремного священника. – М. : Зачатьевский монастырь, 1995. – 72 с.
5. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования деятельности религиозных организаций в учреждениях уголовно-исполнительной системы : проект Федер. закона от 23 октября 2012 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. Русская Православная Церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений [Электронный ресурс]. – URL: <http://prison-nne.ru/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-tyuremny-e-uchrezhdeniya-traditsii-vzaimootnoshenij/>

I. V. Anisimov

4th Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

The Legal Status of the Priest in the Penal System

Abstract. The presented paper is devoted to defining the role of the Church in the life of a prisoner. There is a study of the provisions of legal acts in Russia, establishing the institution of the priesthood in the penal system. The analysis of regulations Activities prison chaplains. Specifies the features of the implementation of their legal status.

Keywords: the prison chaplain, prison ministry, church pastoral care.

Меры принуждения в сфере защиты конкуренции: особенности и классификация

© Бушуева Я. А., 2017

Я. А. Бушуева

студентка 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: bushueva.yara13@yandex.ru

Научный руководитель:

Б. Д. Дамдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: damdinovbato@mail.ru

Аннотация. Дается краткий анализ мер принуждения в сфере защиты конкуренции, рассматриваются особенности их применения в современной реалии, приводится классификация мер принуждения, а также освещаются различные научные точки зрения на данную проблему. Делается вывод о том, что экономический рынок современной России – это рынок несовершенной и практически не контролируемой конкуренции, которая должна регулироваться едиными скорректированными на межотраслевом уровне нормативными правовыми актами.

Ключевые слова: конкуренция, административно-правовые меры воздействия, защита конкуренции, административное принуждение, классификация принудительных мер.

Конкуренция, являясь одним из главных приоритетов государственной политики Российской Федерации и элементом экономической основы ее конституционного строя (ст. 8, 34, 71, 74 Конституции РФ), имеет большое значение для развития внутреннего товарного рынка, а следовательно, наращивания потенциала рыночной экономики страны [1]. Данные положения нашли отражение в ряде базовых нормативных правовых актов, принятых в последние годы. В Федеральном законе «О защите конкуренции» (далее – ФЗ о защите конкуренции) понятие «конкуренция» представлено в п. 7 ст. 4 как «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [8]. Вместе с тем, как показала практика, соперничество может вестись и в недозволенных формах. Одной из недозволенных форм соперничества хозяйствующих субъектов на рынке является недобросовестная конкуренция. Ухудшение ситуации в данной сфере повлекло за собой принятие 5 октября 2015 г. Федерального закона № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», более известный как «Четвертый антимонопольный пакет», в котором вопросы противодействия недобросовестной конкуренции были выделены в отдельную главу (гл. 2.1 ФЗ о защите конкуренции) [7].

Государство, стремясь свести к минимуму отрицательные последствия проявления недобросовестных конкурентных действий, вводит для этих целей в действующее законодательство

признаки недобросовестной конкуренции, подлежащей пресечению. Так, в ст. 37 ФЗ о защите конкуренции уделяется особое внимание тому факту, что нарушение антимонопольного законодательства является основанием для юридической ответственности, предусмотренной законодательством РФ, а именно административной, гражданско-правовой и уголовной [8]. При этом фактически единственным действующим на сегодняшний день механизмом защиты остается административная ответственность.

Меры административно-правового характера защиты конкуренции предпринимаются с целью предотвращения недопущения, ограничения, устранения конкуренции антимонопольными органами в соответствии со ст. 37 ФЗ о защите конкуренции [8]. В то же время законодательного однозначного определения недобросовестной конкуренции и мер защиты конкуренции не существует. В ряде случаев речь ведется о мерах реагирования на нарушения антимонопольного законодательства. Несмотря на исключительную важность защиты конкуренции в современных условиях нестабильности экономической ситуации, так и не был выработан единый нормативный правовой акт, регулирующий систему мер административного принуждения. До сих пор нет перечня оснований их применения, и, как следствие, принудительная деятельность регламентируется многими законами и подзаконными актами. Межотраслевой характер регулирования административного принуждения осуществляется посредством норм, закрепленных в различных отраслях права: гражданской, административной, налоговой.

Интерес представляют позиции исследователей по данному вопросу. Согласно мнению Д. Н. Бахраха, средства административно-

правового принуждения следует делить на меры предупреждения, пресечения и наказания [10, с. 445]. Б. В. Россинский же [19, с. 587] находит, что все меры административного принуждения можно разделить на те, которые могут применяться во внесудебном порядке, и на те, которые могут применяться лишь в судебном порядке. Поэтому меры административного принуждения он разделил на три группы: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения и меры административной ответственности.

Действующие нормативные правовые акты, такие как ФЗ о защите конкуренции, КоАП РФ, ГК РФ и другие, предлагают группировать меры административного принуждения, исходя из содержания. Согласно данному принципу меры административного принуждения, преследующие цель наказания субъекта за совершенные правонарушения, составляют меры административной ответственности. Эти меры включают в себя меры восстановительной ответственности, меры штрафной ответственности, меры по принудительному разделению или выделению коммерческих и некоммерческих организаций. Меры административного принуждения, имеющие своей процессуальной целью неисполнение обязанностей, составляют меры обеспечения соблюдения законодательства. Меры обеспечения исполнения законодательства в сфере защиты конкуренции (меры принудительного исполнения) включают: административно-превентивные меры (предупредительные); административно-восстановительные меры; меры пресечения. В свою очередь, предупредительные меры применяются в целях предупреждения правонарушений и, как правило, не связаны с совершением правонарушения. Но в сфере защиты конкуренции предупредительные меры могут применяться и в связи с правонарушением. Предупредительные меры направлены на предотвращение правонарушений и других вредных последствий. Например, проведение внеплановой проверки после выявления признаков нарушения антимонопольного законодательства является предупредительной мерой. Меры, осуществляемые в целях предупреждения правонарушений, имеют профилактическую направленность.

При этом пресекательные (пресекательно-обеспечительные) меры представляют группу административно-правовых средств, связанных с совершением правонарушения, реализуются путем прямого юридическо-властного воздействия со стороны государства, применяемого несудебными административно-юрисдикционными органами, обеспечивают привлечение в будущем правонарушителей к административной ответственности. Цель пресечения – прекратить противоправное деяние и не допустить новое. Кроме того, предписание антимонопольного органа

считается традиционным средством обеспечения соблюдения запретов, изложенных в антимонопольном законодательстве.

Более подробно рассмотрим такую меру административного принуждения, как принудительное разделение или выделение коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, приносящую им доход, предусмотренную ст. 38 ФЗ о защите конкуренции. А. В. Рыженков полагает, что данная мера ответственности имеет гражданско-правовую природу и предусмотрена, соответственно, ст. 12, 57 и 450 ГК РФ, а «антимонопольной» она может считаться, по его мнению, лишь по основаниям и процедуре применения, но не по содержанию [19]. В работах И. В. Башлакова-Николаева аргументированно доказывается, что антимонопольная ответственность в виде разделения, выделения хозяйствующих субъектов (ст. 38 ФЗ о защите конкуренции) может быть отнесена как к праввосстановительной ответственности, поскольку направлена на обеспечение пресечения систематической монополистической деятельности и на восстановление конкуренции, так и к штрафной (карательной) ответственности в связи с тем, что в результате прекращается деятельность разделяемого лица [11]. В свою очередь, в антимонопольном законодательстве Российской Федерации (ст. 57 ГК РФ и ст. 19, 38 ФЗ о защите конкуренции) содержится самостоятельная норма, предусматривающая при определенных условиях возможность принудительного разделения хозяйствующих субъектов. Она появилась в начале 90-х гг. как обеспечение условий для создания товарных рынков в стране. Данное положение выделяется из ряда норм антимонопольного законодательства, регулирующих последствия правонарушений: во-первых, устанавливает тяжкие последствия вне судебного порядка, а во-вторых, несмотря на довольно длительную историю своего существования (с 1991 г.), практически не применяется [9].

Указанная мера применяется в случае систематического осуществления монополистической деятельности занимающей доминирующее положение коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность, приносящую ей доход. (Согласно п. 11 ст. 4 ФЗ о защите конкуренции систематическое осуществление монополистической деятельности – это осуществление хозяйствующим субъектом монополистической деятельности, выявленное в установленном ФЗ о защите конкуренции порядке более двух раз в течение трех лет.)

Необходимо отметить, что закон указывает на систематическое осуществление монополистической деятельности, а не на злоупотребление доминирующим положением. Поэтому

субъектом систематической монополистической деятельности может выступать не только лицо, которое занимает доминирующее положение на рынке, но и совершившее любой из видов монополистической деятельности. Совершение любого из видов монополистической деятельности более двух раз в течение трех лет влечет применение меры в виде принудительной реорганизации посредством слияния или присоединения.

Вместе с тем ряд специалистов в области права (К. А. Писенко, И. А. Цинделиани, Б. Бадмаев) считают, что легальных оснований квалифицировать данную меру, как делают некоторые авторы, в качестве меры ответственности особого рода нет. Такая мера ответственности не известна ни гражданскому, ни публично-деликтному (административному и уголовному) законодательству. Кроме того, в содержательном плане целью принудительного разделения или выделения является устранение условий, способствующих совершению нарушения антимонопольного законодательства в будущем. Созданные в результате принудительного разделения организации не могут входить в одну группу лиц. Таким образом, принудительно реорганизуя коммерческую или некоммерческую организацию, государство может добиться утраты доминирующего положения хозяйствующего субъекта, а это, в свою очередь, лишит его возможности злоупотребления таким положением в будущем, а также снизит экономическую опасность иных форм монополистической деятельности с его стороны, например в форме соглашения или согласованных действий. Как указывается в ст. 38 ФЗ о защите конкуренции, решение о принудительном разделении или выделении принимается в целях развития конкуренции.

Принудительное разделение или выделение может применяться только в судебном порядке. Согласно ст. 38 ФЗ о защите конкуренции суд по иску антимонопольного органа (в отношении финансовой организации, поднадзорной Центральному банку Российской Федерации) вправе принять решение о принудительном разделении такой организации либо решение о выделении из ее состава одной или нескольких организаций. Решение суда о принудительном разделении или выделении принимается только в целях развития конкуренции и только если выполняются в совокупности следующие условия:

- существует возможность обособления структурных подразделений коммерческой организации;

- отсутствует технологически обусловленная взаимосвязь структурных подразделений коммерческой организации (в частности, 30 % и менее общего объема производимой структурным подразделением продукции, выполняемых работ, оказываемых услуг потребляется иными

структурными подразделениями этой коммерческой организации);

- существует возможность самостоятельной деятельности на соответствующем товарном рынке для юридических лиц, созданных в результате реорганизации.

Решение суда подлежит исполнению собственником или уполномоченным им органом с учетом требований, предусмотренных указанным решением, и в срок, который определен указанным решением и не может быть менее чем шесть месяцев.

В соответствии со ст. 37 ФЗ о защите конкуренции за нарушение антимонопольного законодательства предусмотрены вышеперечисленные меры административной ответственности, среди которых и праввосстановительная ответственность. Данная ответственность устанавливается в виде обязанности исполнения предписания об устранении допущенных нарушений антимонопольного законодательства и их последствий (далее – предписание). Предписание в соответствии с ч. 1 ст. 51 ФЗ о защите конкуренции подлежит обязательному исполнению лицом, которому оно выдано, в установленный антимонопольным органом срок. Исполнение виновным лицом полученного предписания (в сущности) должно способствовать восстановлению конкуренции, а также прав и интересов участников отношений в сфере конкуренции, чьи права или законные интересы были нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства [19]. Предписания, выдаваемые антимонопольным органом для обеспечения соблюдения запретов, изложенных в антимонопольном законодательстве, является на сегодняшний день наиболее распространенным методом устранения нарушений в сфере конкуренции.

Штрафная, карательная административная ответственность в сфере защиты конкуренции заключается в перечислении «в федеральный бюджет всего полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства дохода в процессе монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции». Данная мера ответственности применяется только к хозяйствующим субъектам [15].

В статье 37 Научно-практического комментария к ФЗ о защите конкуренции подчеркивается, что в России отсутствует уголовная ответственность юридических лиц [8, с. 382]. Уголовная ответственность за совершение ограничивающих конкуренцию действий путем заключения антиконкурентных соглашений (картелей) предусмотрена ст. 178 «Ограничение конкуренции» УК РФ [2]. Отграничить состав данной статьи от сходного состава административного правонарушения (ст. 14.32 КоАП РФ) можно по таким признакам, как причинение крупного ущерба (особо крупного ущерба) гражданам,

организациям или государству и (или) извлечение незаконно полученного дохода в крупном размере (особо крупном размере) (ч. 1 ст. 178 УК РФ) [4]. Видами наказаний по основному и квалифицированным составам ст. 178 УК РФ являются штраф, принудительные работы, лишение свободы; дополнительным наказанием – лишение права занимать определенные должности или осуществлять определенную деятельность. В свою очередь, по ст. 14.32 КоАП РФ также предусмотрены наказание в виде административного штрафа и дисквалификация должностных лиц (ч. 1, ч. 3. ст. 14.32 КоАП, ст. 14.9 КоАП РФ). Штрафные санкции, применяемые по уголовной и административной ответственности, разнятся лишь суммой причиненного нарушением антимонопольного законодательства ущерба (свыше 1 млн руб.) либо незаконно извлеченного таким образом дохода (свыше 5 млн руб.).

Специалисты отмечают, что работа по привлечению участников картелей к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ фактически не ведется. Так, за 2014 г. на основании 173 решений Федеральной антимонопольной службы о картелях (нарушение ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции») Министерством внутренних дел РФ возбуждено лишь 6 уголовных дел по ст. 178 УК РФ, и только одно из них направлено в суд. В то же время антимонопольным органом за этот период рассмотрено 1438 дел о нарушении ст. 14.32 КоАП РФ об административных правонарушениях.

К преступным проявлениям недобросовестной конкуренции также относятся незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ) и незаконное собирание и использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). Однако и здесь уголовно-правовые санкции в сфере антимонопольного регулирования практически не применяются. Как свидетельствует судебная практика, по вышеуказанным статьям рассматривается незначительное количество дел. Так, за период с 2010 по 2015 г. было вынесено 45 судебных решений по ст. 180 УК РФ и 32 судебных решения по ст. 183 УК РФ [18; 20].

Вместе с тем преобладающую часть системы уголовно-правовых запретов на нарушение антимонопольного законодательства составляют положения косвенного характера, т. е. запреты на совершение действий (актов бездействия),

типично сопряженных с нарушениями антимонопольного законодательства, запрещаемыми в соответствии с ФЗ о защите конкуренции (например, ст. 147, 165, 169, 179, 180, 183, 185.3, 201, 204, 285 УК РФ и пр.). Практика очевидно демонстрирует, что возбуждение уголовных дел как по ст. 178 УК РФ, так и по совокупности с перечисленными выше статьями УК РФ в связи с нарушением запретов, установленных антимонопольным законодательством, носит единичный характер [16, с. 65]. В связи с этим развитие систем уголовной защиты конкуренции требует дальнейшего совершенствования и ужесточения мер.

В основу гражданско-правовой ответственности за совершение актов недобросовестной конкуренции положен принцип генерального деликта, выраженный в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которому вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [12]. Под вредом в данном случае, указывает О. А. Городов, следует понимать причиненные актом недобросовестной конкуренции убытки хозяйствующему субъекту – конкуренту, а также вред, причиненный его деловой репутации. Лица, чьи права и интересы ущемлены, имеют право обратиться в установленном порядке в суд, арбитражный суд за защитой своих имущественных интересов. Указанное право реализуется ими путем подачи исков, в том числе о возмещении убытков, о восстановлении нарушенных прав, о возмещении вреда [12; 21].

Таким образом, можно сделать вывод, что экономический рынок современной России – это рынок несовершенной и практически не контролируемой конкуренции. Усложнение же экономических отношений напрямую отражается на деформации конкурентной среды. Для нормализации ситуации в данной сфере требуется проведение продуманной, четко регулируемой государством конкурентной политики, которая должна осуществляться при помощи единых скорректированных на межотраслевом уровне нормативных правовых актов. Государству необходимо развивать, поддерживать и охранять добросовестную конкуренцию, которой отведена ключевая роль не только в переходе России к более высокому уровню инновационного и технологического развития, но и в сохранении национальной безопасности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4394.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
5. Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в РФ на период 2013–2024 гг. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 264-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 5 окт. 2015 г. № 275-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
8. О защите конкуренции : федер. закон от 26 июня 2006 г. № 135-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
9. Баринов Н. А., Козлова М. Ю. Принудительная реорганизация юридических лиц по антимонопольному законодательству / Н. А. Баринов, М. Ю. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 8. – С. 15–20.
10. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник / Д. Н. Бахрах. – М. : Норма, 2000. – 640 с.
11. Башлаков-Николаев И. В. Меры принуждения в сфере защиты конкуренции // Финансов. право и упр. – 2015. – № 2. – С. 183–194.
12. Городов О. А. Недобросовестная конкуренция, теория и правоприменительная практика / О. А. Городов. – М. : Статут, 2008. – 216 с.
13. Кинев А. Ю. Административно-правовые основы и организация защиты конкуренции в Российской Федерации / А. Ю. Кинев. – М. : Элит, 2013. – 136 с.
14. Куншина Л. В. Административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Куншина. – М., 2002. – 31 с.
15. Лушникова В. А. Понятие и сущность административного принуждения // Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). – М. : Буки-Веди, 2016. – С. 49–52.
16. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики : монография / отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 144 с.
17. Пузыревский С. А. Развитие антимонопольного законодательства на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 2. – С. 3–10.
18. Россинский Б. В. Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 5-е изд., пересмотр. – М. : Инфра-М, 2016. – 596 с.
19. Рыженков А. В. Меры ответственности за антимонопольные нарушения и их особая правовая природа // Конкуренция и право. – 2015. – № 5. – С. 29–34.
20. Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Серебруев. – Екатеринбург, 2016. – 34 с.
21. Тотьев К. Ю. Предписание антимонопольного органа о перечислении незаконного дохода: правовая природа и функции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 8. – С. 40–48.

Y. A. Bushueva

4th Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Principles for Competition Protection: Peculiarities and Classification

Abstract. A brief analysis of coercive measures in the sphere of the protection of the competition of the Russian Federation is given, the features of their application in the modern era are examined, the classification of coercive measures is cited, and various scientific points of view on this problem are covered. It is concluded that the economic market of modern Russia is a market of imperfect and almost uncontrollable competition, which should be implemented through unified normative and legal acts adjusted at the interbranch level.

Keywords: competition, administrative and legal measures of influence, protection of competition, administrative coercion, classification of coercive measures.

Уголовно-процессуальные основы международного взаимодействия при расследовании трансграничных экологических преступлений

© Давыдов А. А., Макрицкая Е. Д., 2017

А. А. Давыдов, Е. Д. Макрицкая

магистранты 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: aadavydov1@gmail.com, e.makrickaya@gmail.com

Научный руководитель:

В. В. Лисаускайте, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: vlado@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые основы и формы взаимодействия юрисдикционных органов государств при расследовании трансграничных экологических преступлений. Особое внимание уделяется ряду проблем, устранение которых будет способствовать более эффективному взаимодействию государств в указанной сфере.

Ключевые слова: трансграничные экологические преступления, международное сотрудничество, расследование.

В современной России все большее внимание законодателем уделяется развитию нормативно-правовой базы и совершенствованию правоприменительной практики в сфере охраны окружающей среды, что обусловлено ухудшающейся ситуацией в сфере экологической преступности в стране и мире. Необходимо отметить, что сохранение окружающей среды является основной задачей всего мирового сообщества, а не отдельного государства. Проблемы изменения климата в результате антропогенного воздействия, загрязнение водной и воздушной среды, сокращение биоразнообразия в целом приобрели трансграничный характер.

Одним из действенных инструментов повышения эффективности охраны экологической безопасности в Российской Федерации является интенсификация международного взаимодействия между правоохранительными органами, предметом деятельности которых является уголовно-правовая защита окружающей среды. В настоящее время одна из задач в области охраны природы уголовно-правовыми методами заключается в организации более эффективного и отлаженного международного взаимодействия при расследовании трансграничных экологических преступлений. Так, по инициативе генпрокурора РФ на встрече руководителей прокурорских служб государств БРИКС (группа из пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики) и компетентных органов государств МЕРКОСУР (общий рынок стран Южной Америки, экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Парагваем) подписана декларация о взаимодействии органов прокуратуры в отношении нарушений природоохранного законодательства.

Для целей настоящей работы следует раскрыть значение понятия «трансграничное преступление». Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. позволяет дать определение трансграничному преступлению. В статье 3 указанной Конвенции перечислены следующие признаки трансграничного преступления: такое преступление совершается на территории более одного государства; оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Анализ информации, представленной такими международными структурами, как Экономический и Социальный совет ООН, Интерпол, Всемирная таможенная организация, а также систематизирование данных правоприменительной практики позволяют говорить о том, что трансграничная экологическая преступность охватывает главным образом такие сферы противоправной деятельности, как незаконная рубка лесных насаждений; незаконная торговля полезными ископаемыми; незаконное захоронение опасных и токсичных отходов, браконьерство [7]. Соответственно, согласно законодательству РФ наиболее часто вопрос международного уголовно-процессуального взаимодействия возникает при совершении преступлений, предусмотренных ст. 252 УК РФ (загрязнение морской среды), 253 УК РФ (нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ), 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов), 258¹ УК РФ (незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и вод-

ных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ), а в отдельных случаях и других преступлений, посягающих на общественные отношения по охране экологии в России, имеющих трансграничный характер. Сложность выявления и расследования указанных преступлений, дифференцированные методики расследования трансграничных преступлений в разных странах, отсутствие актов официального толкования и научных трудов, касающихся взаимодействия между правоохранительными органами в вопросах охраны экологии, ещё больше усложняет противодействие международной экологической преступности.

Под взаимодействием с зарубежными правоохранительными органами принято понимать согласованную деятельность различных государств в лице их компетентных органов по оказанию содействия в осуществлении уголовного преследования, судебного рассмотрения и помощи при исполнении приговора [5].

Чтобы представить, как именно происходит процесс международного сотрудничества в сфере уголовно-правового противодействия трансграничной преступности, следует проанализировать формы такого взаимодействия.

Первая форма заключается в получении от компетентных органов иностранного государства сведений о готовящемся или совершенном экологическом преступлении, имеющем трансграничный характер, а также предоставление такой информации. Обмену указанными сведениями способствует разработка и внедрение в практику правовых баз данных, специализированных программ для ЭВМ, активизация многосторонних связей должностных лиц, создание совместных комиссий и т. д. Так, в результате совместных действий Малайзии и РФ в 2013 г. удалось пресечь контрабанду диких малайских тигров. Тигров перевозили через границы Российской Федерации в страны арабского Востока, где они особо ценятся. Успешному исходу операции по пресечению контрабанды способствовал оперативный обмен информацией о готовящемся перевозе животных.

Вторая форма взаимодействия представляет собой параллельные расследования с обменом информацией либо совместные расследования. При параллельных расследованиях происходит активное сотрудничество в уголовно-процессуальном порядке: так, ч. 2 ст. 453 УПК РФ содержит положение, обязывающее правоохранительные органы Российской Федерации на основании письменного обязательства оказывать всестороннюю правовую помощь компетентным иностранным органам в производстве отдельных процессуальных действий. Совместные расследования возможны в форме между-

народных следственных либо следственно-оперативных групп. Правовой основой такого сотрудничества выступает ратифицированная Российской Федерацией Конвенция ООН против трансграничной организованной преступности 2000 г. [1] и подписанная РФ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., юрисдикция которой распространяется на территории стран – участниц Содружества Независимых Государств [2]. Также сотрудничество осуществляется в рамках Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам странами – участницами Совета Европы, для Российской Федерации указанный документ вступил в силу 9 марта 2000 г. [3]. Участниками таких групп согласовывается общий ход предварительного расследования, производство следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, осуществляется своевременный обмен информацией. Важно отметить, что координирует такие группы сторона – инициатор создания следственной, (оперативно-следственной) группы либо один из членов такой группы.

Третья форма международного сотрудничества – проведение органом предварительного расследования (либо его должностным лицом) иностранного государства отдельных следственных либо иных процессуальных действий. Такая форма международного уголовно-процессуального взаимодействия регламентируется гл. 53 УПК РФ и уголовно-процессуальным законодательством иностранного государства. Важное значение здесь имеет ст. 455 УПК РФ, закрепляющая положение о равенстве доказательств, полученных в установленном законом порядке иностранными компетентными органами на территории иностранного государства, доказательствам, полученным на территории Российской Федерации в соответствии с требованиями УПК РФ.

Четвертая форма взаимодействия – сотрудничество по линии международных организаций (например, Интерпол, Европол и т. д.) при идентификации и розыске лиц, совершивших транснациональные экологические преступления. Так, с 2010 г. Российская Федерация принимает участие в международной полицейской операции Tiger, цель которой – пресечение преступной деятельности, связанной с незаконной торговлей и контрабандой животных и их дериватов (внутренние органы, рога, другие части туши), в данном случае амурских тигров. Как отмечает МВД РФ, благодаря такому взаимодействию удалось добиться значительных результатов [8].

В качестве пятой формы сотрудничества можно обозначить взаимодействие российских правоохранительных органов с гражданами Российской Федерации, иностранными юридическими лицами, находящимися за рубежом, ино-

странными гражданами в форме обращения к ним на добровольной основе с какими-либо просьбами в интересах предварительного расследования. Важно отметить, что в российском законодательстве запрет на такие действия отсутствует. Как вторжение в иностранную юрисдикцию в международно-правовой практике такие действия также не рассматриваются в силу добровольного характера сотрудничества и отсутствия элемента принуждения [6].

Важной проблемой, создающей препятствия для максимально эффективного взаимодействия между юрисдикционными органами государств, является отсутствие комплексной нормативно-правовой базы, регламентирующей общественные отношения по оказанию международной взаимопомощи в сфере противодействия трансграничной преступности. Помимо указанной выше гл. 53 УПК РФ, в России существует совместный приказ федеральных органов исполнительной власти правоохранительного блока «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» [4], однако этот правовой акт не включает в сферу своего регулирования международную экологическую преступность.

Также нельзя не отметить недостаточность регламентации правового статуса совместных следственных и следственно-оперативных групп на уровне федерального законодательства в Российской Федерации. Несмотря на существование приведенной выше Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, представляется, что уровень правовой регламентации обсуждаемых общественных отношений явно не соответствует потребностям правоприменительной практики. Между тем урегулирование в данной сфере могло бы облегчить международное сотрудничество по противодействию трансграничной преступности в области экологии, что благотворно сказалось бы на уровне экологической безопасности в России и мире.

Более тесному взаимодействию в сфере борьбы с экологической транснациональной преступностью способствовало бы заключение

Российской Федерацией двусторонних и многосторонних соглашений о взаимопомощи в указанной сфере между государствами. Стоит отметить, что в настоящее время действует довольно большое количество таких договоров, при этом международное сотрудничество в области расследования трансграничных экологических преступлений имеет определенную специфику и требует применения особых процессуальных мер. Например, часто возникает необходимость оперативного реагирования на преступные деяния, связанные с загрязнением окружающей среды, поскольку следы таких преступлений необходимо быстро обнаружить, изъять и зафиксировать. Поэтому, исходя из характера рассматриваемых в данном исследовании преступлений, следует заключать договоры о правовой помощи именно в этой сфере. Особенно важным представляется заключение таких соглашений с государствами, граничащими с Российской Федерацией, в том числе и в Арктической зоне. Также полагаем, необходим комплекс мер по снижению издержек в области международного взаимодействия правоохранительных органов (совершенствование процедуры переводов процессуальных документов и т. п.).

Таким образом, на настоящий момент вопрос международного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в сфере противодействия трансграничной экологической преступности требует углубленной и более эффективной правовой регламентации. Представляется, что интенсификация деятельности по заключению двусторонних и многосторонних соглашений о взаимопомощи в сфере международной экологической юстиции, совершенствование национального законодательства, активизация международных связей на различных уровнях, устранение препятствий для взаимодействия между компетентными органами государств в сфере уголовно-правовой охраны экологии непременно благотворно скажется на степени защищенности окружающей среды и повысит уровень экологической безопасности.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в г. Нью-Йорке 15 нояб. 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 окт. 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cis.minsk.by>.
3. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апр. 1959 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 окт. 2006 г. // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. – 2006. – № 47.
5. Гриненко А. В. Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2013. – № 2. – С. 3–4.

6. Литвишко П. А. Некоторые вопросы международного сотрудничества органов предварительного следствия // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2011. – № 4. – С. 13–18.
 7. Кризис в области экологической преступности [Электронный ресурс] // URL: <https://cld.bz/bookdata/LRaagse/basic-html/page13.html>.
 8. Ответственность за контрабанду животных. Справка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/spravka/20100416/222682490.html>.
-

A. A. Davydov, E. D. Makritskaia

Undergraduates, 1st Year Study, Law Institute, Irkutsk State University

Criminal Procedural Bases of International Cooperation in the Investigation of Transboundary Environmental Crimes

Abstract. The paper examines the legal framework and forms of interaction between jurisdictions states in the investigation of transboundary environmental crimes. Particular attention is paid to problems in the work, the elimination of which will contribute to more effective interaction of states in this area.

Keywords: transboundary environmental crimes, international cooperation, investigation.

Г. А. Князев

студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: glebknyzev96@gmail.com

Научный руководитель:

А. А. Гавриленко, старший преподаватель кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: veritas777@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается ряд проблем, связанных с особенностью исполнительной надписи нотариуса. Автор приходит к выводу о несовершенстве правового регулирования данного исполнительного документа в Российской Федерации. Выявляются проблемные аспекты, и вносится ряд предложений по усовершенствованию регламентации исполнительной надписи нотариуса.

Ключевые слова: исполнительные документы, нотариус, просроченные задолженности.

Проблема роста просроченной задолженности среди населения, вызванная повышением объемов кредитования, а также обостренная кризисными явлениями в экономике и политике страны, остро стоит на сегодняшний день в Российской Федерации. По информации Объединенного кредитного бюро, число недобросовестных заемщиков по итогам 2016 г. с просрочкой по платежам более 90 дней выросло на 9 %: с 9,48 до 10,33 млн чел., составив по итогам года 13,4 % от общего количества открытых кредитов. Объем просроченной задолженности по итогам 2016 г. вырос на 13 %: с 1,15 до 1,30 трлн руб. Количество выданных кредитов – 75 млн, с общей суммой задолженности 9,1 трлн руб. [1].

Данная ситуация существенно добавила работы и без того перегруженной судебной системе Российской Федерации, что закономерно сказалось на оперативности прохождения судебных тяжб, соответственно, на длительности процесса взыскания просроченной задолженности. Вследствие этого в российском законодательстве все чаще начинают применяться механизмы внесудебного взыскания задолженности на основании исполнительных надписей нотариусов. Исполнительная надпись нотариуса – это распоряжение о взыскании в пользу кредитора суммы задолженности либо об истребовании имущества должника [2]. Появление данного института призвано облегчить работу суда, разгрузив судебную систему, и помочь в решении проблемы произвола коллекторов, так как обращаться к ним не будет нужды, поскольку взыскать неуплаченные денежные средства можно в короткие сроки, не неся существенных материальных потерь.

Правовая природа исполнительной надписи нотариуса заключается в том, чтобы в случае бесспорности гражданско-правовых отношений, связанных с взысканием просроченной задолженности, кредитор мог, не обращаясь в суд, в упрощенном порядке взыскать денежные сред-

ства с не исполнившего свои обязательства должника путем совершения нотариусом исполнительной надписи на документе, устанавливающем задолженность, чем ему придается исполнительная сила. Нужно сказать, что должник не лишается права на судебную защиту при взыскании просроченной задолженности по исполнительной надписи.

Согласно ст. 90 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей при определенных условиях: сделка должна быть нотариально удостоверена, устанавливать денежные обязательства или обязательства по передаче имущества (кредитные договоры, за исключением договоров, кредитором по которым выступает микрофинансовая организация, при наличии в указанных договорах оговорки об исполнительной надписи, а также иные документы – договор займа (залоговый билет), договор хранения, договор проката).

В соответствии со ст. 91 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате исполнительная надпись совершается при соблюдении двух условий. Первое: представленные документы должны подтверждать бесспорность требований взыскателя к должнику. Нотариус устанавливает бесспорность задолженности, основываясь на содержании представленных документов. При отсутствии признака бесспорности нотариус отказывает в совершении исполнительной надписи. Иными словами, нотариус фактически дает оценку законности требования, содержавшегося в намерении обратившегося к нему клиента. Второе: для совершения нотариальной надписи должны соблюдаться сроки – со дня, когда обязательство должно было быть исполнено, должно пройти не более чем два года. Стоит отметить, что взысканию в бесспорном порядке подлежит только сумма основного дол-

га и проценты. Взыскание штрафа может производиться только в судебном порядке.

Исполнительная надпись может быть передана как судебным приставам для взыскания долга с должника, так и коллекторам. Решение будет принимать кредитор. Однако, если приставам документ можно передать и это уже есть исполнительный документ, то коллекторам его можно передать только через суд.

В соответствии со ст. 94 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате в случае, если взыскателем или должником является физическое лицо, исполнительная надпись может быть предъявлена к принудительному исполнению в течение трех лет со дня ее совершения; если и взыскателем, и должником (одновременно) являются предприятия, учреждения, организации, исполнительная надпись может быть предъявлена к принудительному исполнению в течение одного года, если законодательством Российской Федерации не установлены иные сроки. Несоблюдение указанных сроков является основанием для вынесения судебным приставом-исполнителем постановления об отказе в возбуждении исполнительного производства [3]. Восстановление пропущенного срока для предъявления исполнительной надписи производится в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации.

Данное нотариальное действие может быть оспорено должником в судебном порядке особого производства. Должник вправе подать жалобу в районный суд по месту нахождения нотариальной конторы нотариуса, выдавшего исполнительную надпись. Ответчиком по делу будет являться не банк, а нотариус. Банк может быть привлечен к участию в судебном споре в качестве третьего лица.

Вознаграждение за выполнение исполнительной надписи складывается из двух параметров: 0,5 % от суммы, заявленной в исполнительной надписи, но не менее 1500 руб. и не больше 300 тыс. руб. (ст. 22.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате); плюс 3450 руб. в счет правовой и технической работы. Данную сумму, оплачиваемую кредитором, затем ему возвращает заемщик.

На сегодняшний день взыскивать задолженность через нотариуса недостаточно эффективно по двум причинам: 1) довольно высокая стоимость нотариальных услуг, особенно ощутима, когда необходимо взыскать небольшие суммы; 2) нежелание юридических служб банков переходить на «укороченную» систему взыскания задолженности нотариата с «долгой» системы государственного суда. Нотариусы забирают большую часть работы банковских юристов. Решить данную проблему возможно лишь через изменение должностных инструкций банковских юристов.

На данный момент обязанности юриста заканчиваются на выигранном в суде деле. У юриста нет мотивации заниматься фактическим возвратом задолженности. Ему невыгодно переходить на ускоренную форму работы с задолженностью, поскольку он получает деньги только за судебный процесс. Все выигранные дела в банках обычно передаются в службу безопасности, но данные специалисты имеют очень смутное представление о том, как правильно вести работу с судебными приставами, и чаще работают как коллекторы, обзванивая должников, применяя иные меры воздействия, ставя перед необходимостью погасить долг.

Как результат, рост просроченной задолженности в банках составляет порядка 15–20 % от оборота денежных средств. Юристы получают зарплату за выигранный процесс, а с приставами никто не работает. То есть сегодня это не столько юридическая, сколько управленческая проблема.

Банкам необходимо рассчитывать зарплату юриста, исходя из фактически полученной задолженности, тогда сотрудники юридических отделов будут стараться применять альтернативные системы для скорейшего получения судебного решения или исполнительной надписи и начнут сотрудничать с приставами, чтобы приблизить взыскание задолженности.

Исполнительная надпись нотариуса – это действенный механизм, способный разгрузить судебную систему. Но чтобы этот механизм заработал, необходимо изменить систему управленческого функционала.

Список литературы

1. Статистика просроченной задолженности за первый квартал 2016 г., по данным Объединенного кредитного бюро [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bki-okb.ru/corp/analitika/statistika-prosrochennoy-zadolzhennosti-za-i-kv-2016-g>.
2. Павин Д. В. Правовая природа исполнительных документов: теоретико-прикладные проблемы [Электронный ресурс]. – URL: <http://vak.ed.gov.ru/dis-details?xPARAM=190308>.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : втв. Верховным Судом РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1 (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Ведомости съезда народ. депутатов РФ и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

G. A. Knyazev

4th Year Study, Law Institute, Irkutsk State University

Peculiarities of Execution of Executive Notation of Notary

Abstract. This article describes a number of problems related to the peculiarity of the notary executive notation. The author comes to a conclusion about the imperfection of the legal regulation of this executive document in the Russian Federation. The problematic aspects are revealed and a number of proposals are made to improve the regulation of the notary's executive inscription.

Keywords: executive documents, notary, arrears.

Тайна переписки и иных сообщений в Российской Федерации и зарубежных странах

© Лобыгина Ю. А., 2017

Ю. А. Лобыгина

студентка 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;

e-mail: yulabygina@rambler.ru

Научный руководитель:

Д. В. Шорников, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет;

e-mail: abirvalg35@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с нарушением права на тайну переписки и иных сообщений в Российской Федерации и зарубежных странах. Автор приходит к выводу о небезупречности регулирования данного права в России. Вносятся ряд предложений по усовершенствованию правовых норм и ужесточению уголовной ответственности за нарушение данного права операторами связи.

Ключевые слова: неприкосновенность тайны переписки, неприкосновенность тайны сообщений, тайна корреспонденции, почтовые сообщения, операторы связи.

Неприкосновенность тайны переписки и иных сообщений является правом каждого человека, а обеспечение данного права является обязанностью государства, на территории которого осуществляется та или иная переписка. Тайна переписки и иных сообщений закреплена в конституциях самых различных государств во всех частях света. Источником данного конституционного права является Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г. Статья 12 Декларации содержит следующее: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». Таким образом, указанная статья затрагивает вопрос тайны переписки, именуемой в данном законе «тайной корреспонденции» [2]. Этот факт подтверждает, что тайна переписки и иных сообщений является основным правом любого человека.

В статье 23 Конституции РФ говорится: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» [7]. Рассмотрим подробнее ограничение данного права. Часть 1 ст. 23 Конституции РФ устанавливает право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, право на защиту своей чести и доброго имени. Поскольку вопросы неприкосновенности частной жизни и вопросы неприкосновенности переписки содержатся в одной статье, можно сделать вывод о том, что личная переписка и иные формы сообщений входят в состав частной жи-

зни человека и гражданина [1, с. 220]. Что же такое «частная жизнь»? Это понятие охватывает стороны личной жизни человека и гражданина, которые он не желает делать достоянием других людей. Право на неприкосновенность частной жизни проявляется в форме запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни без согласия лица [12, с. 85]. Органы государственной власти должны обеспечить гражданам возможность ознакомления с теми документами, которые затрагивают их права, – например, с личным делом, которое ведется в организации, где лицо работает [3, с. 19]. Но правовое государство осознает, что злоупотребление тайной на частную жизнь может содержать антиобщественный характер, поэтому подразумевается, что тайна не прикрывает противоправную деятельность.

Возникает вопрос: а возможно ли применение вышеперечисленных действий без решения суда? Рассмотрим ситуацию на примере прослушивания телефонных разговоров. Тайна телефонных переговоров является одной из самых личных сторон частной жизни человека, следовательно, она должна надёжно охраняться государством. Но именно из-за того, что телефонные переговоры имеют личный и особо секретный характер, они могут стать источником опасности. Ведь если никто не может вмешаться в частную жизнь человека, то любой может совершать противоправные действия или планировать их, в том числе и посредством телефона. Так что более ценно – неприкосновенность частной жизни или ее ограничение, в случае если действия гражданина могут вызвать угрозу для населения? Законодатель в данном случае должен учитывать и интересы населения с точки зрения безопасности, и интересы лица, в отно-

шении которого осуществляется ограничение его естественного, конституционного, а значит, в силу природы закона неотъемлемого права [5, с. 221]. Поэтому закон предусматривает три случая, при которых допускается прослушивание телефонных переговоров без решения суда: при наличии угрозы совершения тяжкого преступления, при наличии данных об угрозе государственной, военной, экономической или экологической безопасности России, при наличии угрозы жизни, здоровью или собственности лица по его просьбе о прослушивании телефонных переговоров, ведущихся с его телефона. В таких ситуациях постановление о прослушивании телефонных переговоров выносит орган, который осуществляет оперативно-разыскную деятельность. Он должен уведомить суд относительно угрозы тяжкого преступления и угрозы государственной, военной, экономической и экологической безопасности не позднее 24 часов, а относительно угрозы жизни, здоровью или собственности лица – не позднее 48 часов [9, с. 125]. Положения о выдаче разрешения на проведение оперативно-разыскных мероприятий закреплены в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» [11], согласно которой, совершение этих действий возможно при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности России.

Тема тайны переписки и иных сообщений, помимо Конституции РФ, поднята в ч. 1 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. В соответствии с положениями доктрины информационная безопасность Российской Федерации является национальным интересом Российской Федерации в информационной сфере и их обеспечением. Таким образом, Российская Федерация обязуется обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на защиту своей чести и своего доброго имени [4]. Однако в июле 2016 г. произошли существенные изменения в законодательстве России относительно неприкосновенности сообщений, это обусловлено усиленной борьбой с терроризмом и созданием «пакета Яровой». Для достижения антитеррористических целей в ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г.

№ 126-ФЗ «О связи» были внесены изменения, которые обязывают операторов связи хранить на территории России информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет – с момента окончания осуществления таких действий, а также предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных ими услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач [10]. Данное нововведение существенно ограничивает право граждан на неприкосновенность переписки и иных сообщений, и не только потому, что органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, а также операторы связи будут иметь доступ к тайной информации, но и потому, что данная информация может «утечь» в связи с возможным взломом базы данных операторов связи.

Анализируя конституции зарубежных государств, можно сказать, что данное право прописывается во всех конституциях стран, где доминирует демократический политический режим. Как и в нормах российского права, в зарубежных государствах запрещается вскрытие писем и иных почтовых отправлений, арест на корреспонденцию может производиться только в порядке, установленном законом. Многие государства в связи с ростом преступности допускают вскрытие личных писем, устанавливают диктофоны для прослушивания разговоров. Например, в США Сводный закон о контроле над преступностью и безопасности на улицах позволяет подслушивать разговоры только тех людей, которые подозреваются в совершении тяжких преступлений. Подслушивание разговоров может происходить только при наличии судебного ордера. Что касается электронной слежки, то она может устанавливаться только специально учрежденным федеральным судом, но в то же время возникает риск злоупотребления со стороны сотрудников полиции и спецслужб, что не раз было разоблачено в Великобритании, США, ФРГ, Японии, Франции [6, с. 124]. Помимо Конституции США 1787 г., существует Билль о правах, который содержит первые десять поправок к Конституции США. Поправка четвертая гарантирует неприкосновенность личных прав, в ней наиболее детальной регламентации подверглось понятие «достаточные основания» для подслушивания разговоров и электронного наблюдения [8, с. 369].

В Великобритании писаной конституции нет, поэтому четкого разграничения между кон-

ституционным и остальным правом тоже нет. В Великобритании конституция носит абстрактный смысл, то есть представляет собой совокупность законов, прецедентов и конституционных соглашений. Британская конституция предусматривает права и свободы граждан, в том числе и свободу личности, свободу частной жизни, которая подразумевает тайну переписки и телефонных разговоров, защиту от электронных средств контроля за личной жизнью. Но данное право ограничивается в силу обеспечения правопорядка и национальной безопасности, поэтому на основании закона о телефонном и телеграфном сообщении полиция в определенных случаях и с позволения министра внутренних дел может контролировать телефонную и телеграфную связь.

Рассмотрев особенности законодательного регулирования вопросов, касающихся неприкосновенности тайны переписки и иных сообщений, можно сделать вывод о том, что данное право содержится в всех конституциях стран, взятых нами для анализа, а именно: Конституции США, неписаной конституции, построен-

ной на прецедентах, Великобритании и Конституции европейской Федеративной Республики Германии. Тайна переписки и иных сообщений в рассмотренных мною зарубежных странах нарушается только при наличии веских оснований предполагать подготовку к совершению тяжкого преступления. Однако в России данное право нарушается каждый день относительно всех пользователей услугами связи, что ставит принцип презумпции невиновности под сомнение. В связи с чем я предлагаю следующие пути решения проблемы: ужесточить уголовную ответственность за нарушение данного права операторами связи и хакерами; усовершенствовать систему безопасности базы данных пользователей услугами связи; исключить норму о трехлетнем сроке хранения информации клиентов из Федерального закона «О связи», так как она противоречит Конституции РФ. Ведь, как показывает практика зарубежного законодательства, и без вмешательства в частную жизнь людей возможно контролировать террористические действия.

Список литературы:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. – М. : Норма, 2011. – 768 с.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1995. – 5 апр.
3. Голубок С. А. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Голубок. – 2-е изд. – М. : Инфа-М, 2015. – 94 с.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Рос. газ. – 2000. – 28 сент.
5. Козлова Е. И. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 4-е изд. – М. : Проспект, 2010. – 604 с.
6. Конституционное право зарубежных стран : учебник / под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – 2-е изд. – М. : Норма, 2005. – 1044 с.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
8. Маклаков В. В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учеб. пособие / В. В. Маклаков. – 5-е изд. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 608 с.
9. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Спарк, 2002. – 670 с.
10. О связи : федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – 10 июля.
11. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.
12. Смоленский М. Б. Конституционное право Российской Федерации для студентов вузов / М. Б. Смоленский. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 186 с.

Y. A. Labygina

4th Year Study, Law Institute, Irkutsk State University

The Mystery of Correspondence and Other Messages in the Russian Federation and Foreign Countries

Abstract. In this article a number of the problems connected with violation of the right to the mystery of correspondence and other messages in the Russian Federation and in foreign countries are described. The author comes to a conclusion about imperfection of regulation of this right in Russia. A number of offers on enhancement of precepts of law and on toughening of criminal liability for violation of this right by telecom operators are made.

Keywords: inviolability of a mystery of correspondence, inviolability of a secrecy of messages, secrecy of correspondence, post messages, telecom operators.

Религиозный фактор в правотворческой деятельности Израиля в прошлом и на современном этапе

© Огородников М. М., 2017

М. М. Огородников

студент 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: maximjenkajenka031@gmail.com

Научный руководитель:

И. А. Арзуманов, доктор культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: arzumanov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние религиозного фактора на правотворческую деятельность Государства Израиль в прошлом и на современном этапе; проводится исторический анализ развития иудейского права. Отмечены сила и направления воздействия религиозного права на правотворческую деятельность государства. Поднят вопрос о степени соотношения традиционно-религиозного и светско-демократического характера Государства Израиль. Выделены точки конфликтного потенциала светского израильского права и права иудейского как его подсистемы.

Ключевые слова: еврейское право, иудаизм, Государство Израиль, религиозный фактор.

Влияние иудейского права как права религиозно-этнического на современную жизнь Израиля является неоспоримым. Это один из главных аспектов, подчеркивающий национальный характер государства, что, как известно, поднято властями и большинством народа Израиля «на щит» и по факту является не только идеологическим инструментом, но также и одним из главных условий физического выживания молодого государства.

В данной работе мы затрагиваем тему иудейского права для понимания современной правовой системы Израиля, что без анализа исторически предшествующей системы видится весьма и весьма затруднительным. Одной из главных задач данного исследования является определение степени влияния религиозного фактора на правотворческую деятельность Израиля в прошлом и на современном этапе.

Типичным примером сочетания религии и права является существование в мире религиозно-правовых систем, таких как мусульманская, индуистская, иудейская.

Необходимо отметить, что иудаизм не принадлежит к числу мировых религий, а является религией национальной. Он не претендует на мировое господство, на масштабное распространение среди народов независимо от их языковой, этнической и политической принадлежности. Как и всякая национальная религия, иудаизм призван цементировать конкретный этнос, создавать и поддерживать его культурный, мировоззренческий базис [7].

В израильской и зарубежной юридической литературе иудейское право рассматривается не просто как обычная составная часть израильского права, а как его подсистема. Причем весьма противоречивая, а нередко и противодействующая ему [9].

Как известно, еще во времена британского мандата (1918–1948 гг.) сионисты формировали институты власти будущего государства. Еврейское право и иудаизм с самого начала стали неотъемлемой частью политико-правовой системы будущего Государства Израиль. Возможно, это обусловлено еще и тем, что британское правительство старалось не вмешиваться в регулирование вопросов, которые входили и поныне входят в компетенцию религиозного законодательства. Сами лидеры сионистского движения, в том числе и Д. Бен-Гурион [11], предполагали, что еврейское право подходит главным образом для жизни в закрытых еврейских общинах стран нахождения диаспоры. Это было необходимо для сохранения национальной идентичности в странах рассеивания. Когда же еврейский народ получит свое государственное воплощение, религия либо отомрет, либо приобретет чисто декоративную роль.

Тем не менее на современном этапе иудейское право выступает в качестве фундамента для поддержания социальной и национальной общности евреев, причем проживающих не только в Израиле, но и за его пределами.

Иудейское право – право национальное, что ярко выражено, оно является одной из самых древних религиозно-правовых систем. История ее существования насчитывает более двух тысяч лет.

Здесь нам представляется необходимым осуществить краткий экскурс в историю иудейского общества, государства и права. Возьмем за основу периодизацию Д. Рида, который делит всю «историю Сиона» на пять периодов:

1) «эпоху левитов» (служители религиозных культов у древних иудеев). По мнению автора, именно в этот период (с 621 г. до н. э.) левиты закончили составление «своего писаного

закона», получившего название Второзакония, или закона Моисеева, что послужило законодательной основой иудейского права. Закон Моисеев был прочтен народу в Иерусалимском храме;

2) «эпоху фарисеев» (общественно-религиозное течение в Иудее II в. до н. э., выражавшее преимущественно интересы средних слоев населения). Период фарисеев в значительной мере совпал с римским правлением в завоеванной Иудее, которое закончилось падением Второго храма и рассеянием по миру иудеев. Фарисеи стремились по-своему истолковать применительно к новым социально-экономическим условиям жизни еврейского общества такой важный источник иудейского права, как Тора – первые пять книг Библии (Пятикнижие);

3) «эпоху талмудистов», длилась вплоть до XVIII в. и отличалась особой строгостью в соблюдении (евреями, для сохранения своей самобытности и национального самосознания в период рассеяния (галута)) этических и правовых правил и положений иудаизма которые содержались в Талмуде;

4–5) соответственно «промежуточный» этап «эмансипации» евреев (XIX в.) и «эпоху сионизма» (с начала XX в. и по настоящее время). Эти периоды связаны с дальнейшим развитием иудейского права не только путем его традиционного толкования и приспособления старых религиозных догм к новым социальным условиям, но и путем его более активного применения раввинскими судами, а также его воздействия на современное израильское право.

На современном этапе под воздействием иудейского права были сформулированы такие законы, как Закон о возвращении (1950 г.) и Закон об израильском гражданстве, по которым каждый еврей имеет право иммигрировать в Израиль как на землю своих предков (ст. 1) и автоматически получить гражданство [3].

Религиозные партии также оставили свой след в законодательстве, проведя законы об анатомии и патологии [1], закон о раввинских судах [2].

Среди объектов воздействия иудейского права, как права этнорелигиозного, также хотелось бы выделить вопрос о национально-патриотическом воспитании иудеев, что в формальном виде было закреплено в Законе о государственном образовании (1953 г.), по которому образование должно быть построено на основе ценностей и традиций еврейской цивилизации. Еврей, по мнению законодателя, должен быть воспитан в патриотической преданности своему народу и своему государству. Необходимо отметить, что в Израиле разногласия семейного права преимущественно регулируются религиозными кругами и рассматриваются религиозными судами.

Исходя из вышперечисленного, возможно сделать выводы, что законодательная деятель-

ность кнессета (парламента) находится под сильным идеологическим влиянием иудейских религиозных традиций и догм. Иудейское право также сыграло свою существенную роль в становлении фундаментального законодательства Израиля, в частности, повлияло на подготовку и принятие Декларации независимости [15].

Судебная практика Израиля по рассмотрению исков, связанных с оспариванием содержания отдельных принципов, зафиксированных в Декларации, в дальнейшем показала, что в данном документе изначально преобладали традиционные иудейские ценности и идеи [12].

К примеру, хотелось бы указать на то, что один из основополагающих принципов Декларации гласит, что Государство Израиль является «еврейским государством» (Jewish State). Его балансирует еще один не менее фундаментальный принцип, который провозглашает Израиль государством демократическим.

При этом некоторые правоведы убеждены, что, несмотря на неоспоримость еврейского характера государства, прежде всего в силу наличия у евреев права репатриации и бережного сохранения в стране еврейских культурных особенностей и ценностей, нельзя рассматривать Израиль одновременно как государство еврейское и демократическое, пока существует Галаха (система иудейского религиозного права) и раввинатские суды, так как в этом случае понятие «правовое государство» абсолютно несовместимо с концепцией галахическо-теократического государства [12].

Вспомним также, что иудейское право иногда выступает и в качестве противостоящей светскому праву подсистемой израильского права. Иудаизм в отрыве от сионизма никогда бы не привел к созданию еврейского государства и не сформировал бы общественно-политическую систему Израиля. Более того, до сих пор в Эрец-Израэль живет община ультраортодоксов, которая не признает Государство Израиль. Они считают, что строительство еврейского государства на территории Палестины руками людей – это нарушение воли Божьей и хода истории, так как, согласно еврейской религиозной традиции, государство должно быть озаменовано приходом Мессии (Машиахом) и создано актом Божественного творения, а не человеческой деятельности.

Существует и другая позиция, согласно которой мессианскую роль на себя принял весь народ, а поэтому строительство Государства было вполне обосновано и катализировано исходом евреев из Европы после произошедших там нацистских преступлений [15].

Примечателен случай, когда 18 мая 1960 г. партией «Религиозный фронт Торы» был вынесен вотум недоверия правительству из-за высказывания Давида Бен-Гуриона о том, что ныне живущие евреи не являются потомками тех сы-

нов Израиля, которые вышли из Египта и получили Тору. В ответ на это глава правительства заявил, что кнессет не может решать исторические и теологические вопросы, чем подтвердил светский характер законодательной власти.

Примерно в этот же период на повестке дня кнессета часто стоял вопрос о религиозной дискриминации, что было обеспечено возрастающим к нему общественным вниманием. Обсуждался вопрос о насаждении религии в массах, особенно после агрессивных демонстраций ультраортодоксов [17].

Во время деятельности кнессета десятого созыва идеологическое напряжение между левыми и правыми заметно усилилось и достигло пика после убийства политического деятеля Эмиля Гринцвайга во время демонстрации в Иерусалиме (1984). Религиозные партии не преминули возможностью воспользоваться неустойчивостью коалиции и продолжили изменение статус-кво в области религии. Результатом их деятельности стало прекращение полетов авиакомпании «Эль-Аль» по субботам, сокращение выдачи разрешений на работу в субботу и в праздничные дни, а также усиление требований кашрута.

Большой конфликтный потенциал имеют требования светских кругов обеспечить единый армейский призыв для всего населения страны. Камнем преткновения стал закон Таля, который предусматривал отказ от призыва в армию учеников ешив [4]. Обсуждение этого законопроекта сопровождалось сильными эмоциями и подчеркнуло противоположность мнений по поводу вхождения ортодоксальных евреев в израильское общество.

По рассказу отставного судьи Цви Таля, во время Войны за независимость в осажденном Иерусалиме действовал батальон религиозных евреев. Непосредственного участия в боестолкновениях они не принимали, а занимались укреплением города. Но после победы, как известно, главы религиозного еврейства пришли к Бен-Гуриону и убедили его в том, что после холокоста, когда погиб весь мир еврейских ешив, нужно укреплять последний «угол» религиозного образования. И Бен-Гурион согласился

освободить от призыва 400 студентов ешив, после это число было увеличено до 800. В 1977 г., после прихода к власти «Ликуда», опиравшегося в том числе на религиозные партии, было отменено количественное ограничение на освобождение студентов ешив от армии.

К концу работы кнессета 18-го созыва истёк срок действия Закона Таля. Закон, предоставлявший право учащимся ешив не служить в армии. Несмотря на то что было создано две комиссии, которые помогали законодательству в вопросе о призыве в армию, законодательства в этой области не было сформулировано.

Во время каденции 19-го созыва был принят закон о равном призыве в армию всех слоев населения, подвергшийся резкой критике со стороны ортодоксальных депутатов. Мы также не можем обойти стороной тот факт, что экстремистские религиозные круги, для которых Закон Божий, выраженный в Торе, был единственно возможной конституцией, активно противостоят конституционному строительству Государства Израиль. Если бы в конституцию вошла Декларация прав человека, то возникла бы опасность приобретения Верховным судом (или другим органом) статуса цензора законов с точки зрения их религиозного содержания.

Несмотря на это, еврейская цивилизация не может существовать в отрыве от своей религиозной составляющей, что тем не менее не избавляет от необходимости для сохранения демократичности и светскости государства поддержания установленного статус-кво.

В качестве заключения хотелось бы привести слова Бен-Гуриона: «Еврейский закон может быть принят везде, где он отвечает условиям современной жизни». Это отражает реформистский подход к иудаизму, который, по нашему мнению, должен обеспечить не только стабильное функционирование государства и современного светского общества, но также и сохранить религиозно-культурный фундамент еврейского Государства Израиль.

Несомненно, данная проблема является комплексной и многогранной, что требует ее дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Закон об анатомии и патологии от 1953 (התקשי והפתולוגיה האנטומיה חוק) [Электронный ресурс]. – URL: www.eiwiki.org/wiki/Евреи_в_мелишине.
2. Закон о компетенции раввинских судов от 1953 г. [Электронный ресурс]. – URL: www.eiwiki.org/wiki/Государство_Израиль._Судебная_система.
3. Закон о возвращении. Принят кнессетом 5 июля 1950 г. [Электронный ресурс] // сайт Кнессета на русском языке. – URL: www/knesset.dov.il/main/ru.
4. Закон Таля (ивр. 1951 г.) טל חוק. [Электронный ресурс] // д-р Арье Ольман Закон Таля. – URL: www.ejwiki.org/wiki/Закон_Талья.
5. Айзенштадт Ш. Н. Израильское общество – характерные черты и проблемы // Социальная жизнь и социальные ценности еврейского народа. – Иерусалим : Алия, 2003. – Вып. 1994. – С. 467–490.
6. Арзуманов И. А. Вероисповедная политика и гражданский гуманизм (к вопросу от реализации положений ст. 13 Конституции РФ) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2(5). – С. 113–123.

7. Арзуманов И. А. Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия». Ч. 1 // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1(10). – С. 123–131.
8. Арзуманов И. А. Государственное регулирование этноконфессиональных общественных отношений в России в XIX–XXI вв. (на примере Байкальского региона) : монография / И. А. Арзуманов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 393 с.
9. Воробьева Е. В. Особенности политико-правовой системы Государства Израиль // Право и управление. XXI в. – 2008. – № 1. – С. 72–76.
10. Герцль Т. Еврейское государство / Т. Герцль. – СПб. : Тип. Стасюлевича, 1896. – 104 с.
11. Корнилов А. А. Меч и плуг Давида Бен-Гуриона: [Гос. деятель и отец-основатель Израиля] : монография / А. А. Корнилов ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; Центр по изучению мира и разрешения конфликтов. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1996. – 218 с.
12. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник. В 2 т. Т. 1 / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 744 с.
13. Менахем Э. Еврейское право / Э. Менахем. – Иерусалим : Амана, 1989. – Т. 1. – 333 с.
14. Примаков Д. Я. История еврейского права / Д. Я. Примаков. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 212 с.
15. Garisson R. Forty Years of Israeli Law : Constitution Law // Israel Law Reliew. – 1990. – Vol. 24. – P. 431–450.
16. Gouldman M. Israel Nationality Law / M. Gouldman. – Jerusalem, 1970.
17. URL: <http://main.knesset.gov.il/Pages/default.aspx>.

M. M. Ogorodnikov

1st Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

The Religious Factor in the Law-Making Activities of Israel in the Past and at the Present Stage

Abstract. The article examines the influence of the religious factor on the law-making activity of the State of Israel in the past and at the present stage; historical analysis of the development of Jewish law is conducted. The degree and directions of the influence of religious law on the law-making activity of the state are noted. The issue of the degree of correlation between the traditionally religious and secular-democratic character of the State of Israel was considered. Points of conflict potential of secular Israeli law and Jewish law as its subsystems are noted.

Keywords: Jewish law, Judaism, the State of Israel, religious factor.

Формирование центральных органов власти в сфере регистрации религиозных организаций в СССР

© Распутин Н. В., 2017

Н. В. Распутин

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: raspustin_1993@list.ru

Научный руководитель:

И. А. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: grafik@mail2000.ru

Аннотация. Рассматривается порядок формирования центральных органов власти в сфере регистрации религиозных организаций в СССР, а также проводится сравнительный анализ с деятельностью современных органов государственной власти России.

Ключевые слова: Советский Союз, религиозные организации, светское государство, правовое регулирование, регистрация.

Право на свободу совести является неотъемлемой составляющей прав, закрепленных за человеком и гражданином в любом правовом государстве. Самостоятельно человеку порой не получается удовлетворять потребности в религиозных обрядах, соответственно, находятся единомышленники, образуются религиозные организации. С появлением организованной религиозной общности (претендующей на известную самостоятельность в действиях) возникает необходимость в закреплении ее правового статуса введением в правовое поле государства. Государственно-правовое регулирование возникает там, где общество самостоятельно не может справиться при помощи норм морали и нравственности. Отмечаются случаи, когда религиозные объединения несут ярко выраженный экстремистский характер, общество самостоятельно с нейтрализацией этих структур справиться не сможет, поэтому государство берет на себя обязанность по противодействию экстремизму, в частности, через регистрацию данных организаций. За многовековую историю нашего государства существовали различные органы по регистрации религиозных объединений, существуют они и сейчас. В целях актуализации материала обратимся к обозначенному правовому полю и органам, осуществлявшим регистрацию религиозных объединений в СССР (далее – Советский Союз), а также в Российской Федерации. Вопрос формирования таких органов можно считать актуальным для государств любой правовой системы.

На различных исторических этапах отношение к религии и церкви в нашей стране было различным. Светская и духовная власть когда-то параллельно существовали друг с другом, решая свои собственные задачи, государство подчиняло себе религию, брало управление ею в свои руки, полностью исключало из своего обихода.

Со сменой власти в стране, приходом в общество социалистического вектора развития поменялось и отношение к церковной жизни. Некогда клерикальное имперское государство стало светским. Декретом от 23 января 1918 г. Совет народных комиссаров провозгласил отделение церкви от государства, утвердив, что каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Любые лишения и ограничения прав, связанные с исповеданием или неисповеданием, отменились. Это был поистине революционный шаг [3].

Для реализации новой государственной политики в области контроля религиозных объединений в светском обществе создаются Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Государство сразу выделило православие, так как подавляющее большинство верующих относили себя именно к этой ветви христианства, поэтому был установлен максимальный контроль и регулирование Русской православной церкви. Все остальные ветви христианства, иудаизм, ислам, буддизм, а также сектанство подпало под регулирование Совета по делам религиозных культов. В конце 1965 г. эти два ведомства преобразуются в единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР [5].

Учет религиозных объединений, молитвенных домов и зданий стал вестись Советом по делам религий при Совете Министров СССР, который устанавливал порядок представления соответствующих данных о религиозном обществе или группе верующих, об их исполнительных и ревизионных органах и служителях культа [4]. Данный орган выполнял функции по регистрации всех религиозных организаций на территории всего Советского Союза.

Для достижения возложенных функций советское законодательство установило, что Совет по делам религий при Совете Министров СССР образуется в составе председателя и его заместителей, назначаемых Советом Министров, и членов Совета, назначаемых этим же органом по представлению председателя Совета. В состав Совета входят также уполномоченные Совета по делам религий при Совете Министров СССР по союзным республикам по должности [8].

Становится понятно, что орган имел вспомогательные функции, был подотчетен Совету Министров, полностью от него зависел. В законодательстве не установлены четкие требования к лицам, претендующим на замещение указанных должностей, отсутствует указание на сроки пребывания на посту. Можно сказать, что назначенцами являлись политически обласканные лица, полностью покорные воле вышестоящего руководства.

В начале 1966 г. произошли два знаковых назначения в Совет по делам религий. Первым свою должность занял В. А. Куроедов в качестве председателя [6]. Эта должность стала его основным и, пожалуй, главным пристанищем на всем промежутке трудовой деятельности, до самого упразднения Совета Куроедов оставался во главе ведомства. Как только председатель вступил в свою должность, сразу поступили предложения по назначению на должность его заместителей, которые были назначены постановлением Совета Министров СССР, ими оказались В. Г. Фуров и П. В. Макаревич [7]. Выбор данных кандидатур также оставляет вопросы, скорее всего, они были в одной связке с председателем. Для соблюдения всех правовых предписаний назначение проводилось в два этапа. Этот пример дает представление о порядке формирования органа по регистрации религиозных организаций в СССР.

Рассматривая Российскую Федерацию в качестве преемника Советского Союза, важным будет уяснить, кто же стал регистрировать религиозные организации в новой стране, каков статус ответственного органа. В процессе перехода от СССР государство стало меньше следить за деятельностью религиозных организаций, появлялись новые объединения религиозного характера, их число возрастало в геометрической прогрессии. Прежние органы уже не справлялись с таким потоком, поэтому пришлось создавать новый.

Современное российское право провозглашает свободу совести и вероисповедания, дает возможность каждому гражданину исповедовать или не исповедовать ту или иную религию, с уважением относится к выбору человека.

В современной России Министерство юстиции Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, руковод-

ство деятельностью которого осуществляет Президент Российской Федерации. Минюст России осуществляет регистрацию некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, политических партий, иных общественных объединений и религиозных организаций [2]. Центральный орган в области регистрации религиозных организаций также занимается ведением реестров и иных объединений, что свидетельствует о меньшей значимости для государства деятельности по регистрации религиозных организаций. Однако уровень регистрирующей организации вырос до министерского.

Изменился и порядок назначения на должность руководителя. Минюст России возглавляет министр юстиции, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Правительства РФ. Министр несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Минюст России задач и реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности. Министр имеет заместителей, назначаемых на должность и освобождаемых от должности Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ.

Получается, что министр со своими заместителями идет в неразрывной связке с самого начала работы в правительстве. Законодатель не пытается заигрывать с гражданами, указывая на самостоятельность руководителя ведомства в формировании своего ближайшего окружения, а в открытую устанавливает подотчетных ему лиц. В соответствии с законодательством заместители Председателя Правительства РФ и федеральные министры назначаются из числа граждан Российской Федерации, не имеющих гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства [1]. Это единственное требование, официально предъявляемое к кандидатам на должность федерального министра. Однако это не такое и существенное требование в сравнении с законодательством СССР, так как не представляется реальным, что гражданин какого-либо государства смог бы стать председателем Совета по делам религий СССР.

Несмотря на то что изменился статус органов, их положение, порядок формирования, не изменилась суть.

Таким образом, в Советском Союзе учет религиозных объединений, молитвенных домов и зданий стал вестись Советом по делам религий при Совете Министров СССР, который устанавливал порядок представления соответствующих данных о религиозном обществе или группе ве-

рующих, об их исполнительных и ревизионных органах и служителях культа. В Совет входили председатель, его заместители и уполномоченные в союзных республиках, назначаемые постановлением Совмина СССР. Орган являлся полностью подконтрольным Совмину, был простым звеном в осуществлении политики государства по контролю над религиозной сферой, но при этом правительство соблюдало предписанные нормы, не пыталось вести двойную игру

в отношении того, является государство светским или не является. Возникает вопрос: необходим ли в принципе такой орган? Можно считать, орган по регистрации религиозных организаций нужен любому государству. Может быть, более целесообразно вернуться к правовой модели Советского государства, так как это позволит снизить проявление религиозного экстремизма в обществе, при этом не вторгаться в сферу свободы совести граждан.

Список литературы

1. О Правительстве Российской Федерации : федер. кон ст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
2. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1313 // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 42. – Ст. 4108.
3. Об отделении церкви от государства и школы : декрет СНК РСФСР от 23 янв. 1918 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
4. О религиозных объединениях : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 8 апр. 1929 г. (с изм. и доп. внесен. Указом Президиума ВС РСФСР от 23 июня 1975 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1975. – № 27. – Ст. 572.
5. О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР : постановление Совмина СССР от 8 дек. 1965 г. № 1043 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. О назначении т. Куроедова В. А. Председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР : постановление Совмина СССР от 5 янв. 1966 г. № 6 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
7. О назначении т. т. Фурова В. Г. и Макарецва П. В. заместителями Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР : постановление Совмина СССР от 3 фев. 1966 г. № 87 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
8. Об утверждении положения о Совете по делам религий при Совете Министров СССР : постановление Совмина СССР от 10 мая 1966 г. № 361 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

N. V. Rasputin

Undergraduate, 1st Year Study, Law Institute, Irkutsk State University

Formation of Central Authorities in the Field of Registration of Religious Organizations in the USSR

Abstract. The article deals with the procedure for the formation of central authorities in the field of registration of religious organizations in the USSR, and comparative analysis is conducted with the Russian government authorities.

Keywords: The Soviet Union, religious organizations, secular state, legal regulation, registration.

А. А. Рыкова

магистрант 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: a.hodunko@mail.ru

Научный руководитель:

С. В. Пархоменко, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: psvet@mail.ru

Аннотация. Необходимая оборона как обстоятельство, исключаящее преступность деяния, представляет собой правомерное поведение человека, прибегающего к защите правоохраняемых ценностей путем причинения вреда посягающему. В качестве института уголовного права необходимая оборона имеет давнюю и сложную историю, являясь одним из первых уголовно-правовых институтов.

Ключевые слова. Необходимая оборона, пределы необходимой обороны, превышение пределов необходимой обороны.

Одним из первостепенных обстоятельств, исключаящих преступность деяния, является необходимая оборона, которая была присуща уголовному законодательству на всех этапах его развития. Лицо в подобной ситуации вступает в открытое противостояние с нападающим с целью обезопасить себя, других лиц, а также общество и государство. Необходимая оборона представляет собой высшую степень социальной активности, которая должна поощряться обществом и государством.

В свое время А. Ф. Кони писал: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что она основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать, это закон, вытекающий непосредственно из человеческой природы» [5, с. 8].

Можно предположить, что формирование законодательно определенных обстоятельств, исключаящих преступность деяния, исторически начиналось с легального определения необходимой обороны. Древнейшее упоминание о защите от нападения содержится Законах Ману, составленных в Древней Индии одной из жреческих школ: «Убивающий, защищая самого себя, при охране жертвенных даров, при защите женщин и брахмана по закону не совершает греха». Законы разрешали убивать не колеблясь нападающего убийцу, «даже ребенка, престарелого или брахмана, весьма ученого в Веде» (п. 349, 350).

Применительно к охране личного имущества данный вопрос затрагивался в Законах 12 таблиц (451–449 гг. до н. э.), где, в частности, говорилось о том, что убийство считалось ненаказуемым, если «совершавший в ночное время кражу убит на месте» (п. 12). Обороняющемуся разрешалось убить и дневного вора, оказавшего вооруженное сопротивление. Однако не мог

быть убит вор, который приносил с собой оружие, но не пользовался им и не сопротивлялся. Если же он оказывал сопротивление, то «пусть потерпевший кричит, чтобы его услышали и сбежались на помощь» [7, с. 23].

Первыми памятниками по русскому праву были Договоры Олега и Игоря с греками (911 г., 945 г.), в которых содержались нормы уголовного и гражданского права. В этих исторических документах не было специального правила, определявшего понятие необходимой обороны, однако такое право допускалось при защите личности, собственности и выступало в форме убийства на месте преступления. В соответствии со ст. 4 Договора Олега, если русич убьет византийца или византиец убьет русича, то виновный должен умереть на том месте, где совершил убийство. Здесь, как отмечает В. П. Долопачев, «необходимая оборона еще не выделяется из самоуправства» [4, с. 34].

Позднее, уже в Договоре Игоря, мы видим некоторые изменения. Например, в ст. 13 говорится, что убийца может быть задержан и лишен жизни ближайшими родственниками убитого, но вместе с тем допускались и определенные ограничения расправы над преступником при совершении имущественных преступлений.

Статья 6 Договора Олега говорит, что собственник имеет право убить только противящегося вора. В противном случае хозяин может только связать его.

Правовые нормы о необходимой обороне содержатся и в другом памятнике русского права – Русской Правде. В этом историческом документе в нормах, которые можно отнести к необходимой обороне, говорится, что защита допускается главным образом при нарушении имущественных прав. Разрешалось убивать ночного вора, который не сдается. Если же собственник убьет связанного вора или вора, который был задержан до рассвета, то должен пла-

тить за него уголовный штраф. Хозяин мог преследовать вора только в пределах своего жилища, за воротами убивать было уже нельзя.

Древнерусское законодательство вводило определенные ограничения при осуществлении права на необходимую оборону. Право задерживать преступника и причинять ему какой-либо вред предоставлялось только собственникам и ближайшим родственникам убитого. Что касается права необходимой обороны при посягательстве на личность, то в Русской Правде указывалось: «Если кто ударит другого батоном, а защищающийся ткнет мечом, то вины ему в том нет» [3, с. 312]. Здесь в определенной степени сделана попытка определить некоторые условия соразмерности (правомерности) нападения и защиты при необходимой обороне.

Дальнейшее развитие право граждан на необходимую оборону получило в Уложении 1649 г. А. А. Берлин писал: «Только в Уложении 1649 г., а позднее в Воинских артикулах и Морском уставе мы находим уже довольно подробное регулирование необходимой обороны» [2, с. 8]. По мнению А. Ф. Кони, Уложение составлено на основании прежних русских узаконений, где определены и ясно изложены границы необходимой обороны, что является огромным шагом вперед против господствовавшего прежде самосуда. Вместе с тем эти постановления довольно отрывочны и разбросаны, представления о необходимой обороне еще не сложились в отдельные, связанные между собою правила [5, с. 9].

Необходимая оборона допускалась при защите личности, собственности, а также при защите интересов третьих лиц. При этом причинение вреда нападающему считалось ненаказуемым, если его цель – отражение противозаконного нападения. Этим и определялись границы необходимой обороны, что давало возможность отличать защитные действия от преступлений против личности.

Вопросы применения необходимой обороны в законодательстве Петра I отражены в Воинских артикулах 1716 г. и в Морском уставе 1720 г. Оба устава составляют первое полное теоретическое изложение основ уголовного права по военному делу. Если в Уложении 1649 г. необходимая оборона упоминалась в разных статьях и разделах, то здесь она впервые получила специальное название – «нужное оборонение». Правила «нужного оборонения» излагались в главе о смертоубийстве, так как под правом необходимой обороны понималось право убийства нападающего. Воинские артикулы признавали необходимую оборону при посягательстве на жизнь, а Морской устав – при нападении, угрожающем здоровью.

В последующие годы принимались нормативные акты, в которых в той или иной степени упоминалось о праве необходимой обороны. В

1731 г. был издан Указ, которым запрещалась оборона при насильственном завладении землями. В Манифесте о поединках 1787 г. упоминается о необходимой обороне, но содержится требование: немедленно уведомить начальство об этой обороне.

В 1832 г. уголовное законодательство России было кодифицировано. Уголовный кодекс, получивший название «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в определенной степени отразил принципы западноевропейского права. Вопросы необходимой обороны рассматривались как в общей, так и в особенной частях. Отметим, что в Уложении 1832 г. не нашел отражения институт превышения пределов необходимой обороны, он получил свое признание лишь в Уголовном уложении 1903 г. В частности, ст. 435 устанавливала, что превышение пределов обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, особо указанных законом.

Значительные изменения в теории уголовного права и практике применения права на необходимую оборону произошли после октября 1917 г. Как отмечает А. В. Косарев, после революции взгляд на необходимую оборону и преступления, совершенные с ее превышением, несколько отошел от критериев, принятых в демократических государствах [6, с. 11]. Понятие необходимой обороны в советском уголовном праве впервые было дано в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. В соответствии со ст. 15 «Начал» «не применялось наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или другой личностью, если совершенное насилие не превышает мер необходимой обороны».

Следующая в хронологическом порядке норма о необходимой обороне была закреплена в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Статья 19 определяла, что не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны.

Далее норма о необходимой обороне регулировалась Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. Статья 92 гласила: «Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против посягательств на советскую власть и революционный порядок либо на личность и права обороняющегося или другого

лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны». Эта норма практически полностью была повторена в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Необходимая оборона в тот период рассматривалась как обстоятельство, исключающее наказуемость деяния. В теории уголовного права отсутствовало четкое определение понятия необходимой обороны.

Одним из важных источников официального толкования рассматриваемого института стало Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1959 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», в котором отмечен ряд основополагающих моментов о порядке применения ст. 13 УК РСФСР «Необходимая оборона». Было обращено внимание судов на противоречащее законодательству положение: «... лицо, подвергшееся нападению, не вправе активно защищаться, если имеет возможность спастись бегством, обратиться за помощью к гражданам, к органам власти или избрать какие-либо иные способы, не носящие характера активного противодействия посягающему».

Следующим нормативным источником применения права на необходимую оборону стало Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». Статья о необходимой обороне, действовавшая более 30 лет, в какой-то мере способствовала развитию инициативы

граждан в борьбе с преступными посягательствами, а также устраняла некоторые правовые разночтения, существовавшие в прежних редакциях, но она носила несколько декларативный характер. Провозглашая конституционное право граждан на защиту своих прав и законных интересов, она так и не давала гражданину четких ориентиров правомерности действий в состоянии необходимой обороны [1, с. 15].

В 1991 г. был подготовлен проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, который не был утвержден. В соответствии с ч. 1 ст. 23 названного проекта «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

На сегодняшний день прошедшая длительное правовое развитие необходимая оборона представляет собой неотъемлемое право любого человека, направленное на защиту ценностей, законных интересов и прочих благ; это то право, которое присуще каждому, и правильная реализация его на практике является очень важным инструментом в борьбе с преступными посягательствами.

Список литературы

1. Акимочкин В. Нападение и защита // Рос. юстиция. – 1998. – № 1. – С. 15–16.
2. Берлин А. Р. О необходимой обороне / А. Р. Берлин. – Ярославль : Тип. Губерн. Правл., 1911. – 108 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 640 с.
4. Долопчев В. О праве необходимой обороны: Ноябрь и декабрь // Юрид. вестн.: Ноябрь и декабрь. Изд. Моск. юрид. о-ва. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1874. – № 11–12. – С. 16–167.
5. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны / А. Ф. Кони ; предисл.: А. Цориев. – М. : Остожье, 1996. – 112 с.
6. Косарев А. В. Актуальные проблемы института необходимой обороны : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Косарев. – Ростов н/Д, 2001. – 203 с.
7. Пархоменко С. В. Проблемы уголовно-правовой регламентации института необходимой обороны // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1. – С. 320–323.
8. Пархоменко С. В. Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону (Вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Пархоменко. – СПб., 1996. – 182 с.

A. A. Rykova

Undergraduate, 3rd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Necessary Defense: the History of the Development of the Institute

Abstract. The necessary defense as a circumstance excluding criminality of the act is the lawful behavior of a person resorting to the protection of legally protected values by inflicting harm on the encroachment. As an institution of criminal law, the necessary defense has a long and complex history, being one of the first criminal legal institutions.

Keywords: necessary defense, legal limits of justifiable defense, excess of the legal limits of justifiable defense.

Еще раз к вопросу об определении момента начала жизни для уголовно-правовой квалификации содеянного в качестве убийства

© Сафронов М. В., 2017

М. В. Сафронов

студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: maksimsafronov96@mail.ru

Научный руководитель:

В. А. Смирнов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: smirnovvical@gmail.com

Аннотация. Несмотря на то что УК РФ более двадцати лет, остаются проблемные вопросы в квалификации некоторых деяний. В частности, трудности вызывает применение ст. 106 УК РФ. Целью данной работы является изучение теоретических и практических вариантов решения данной проблемы и выбор, соответственно, наиболее подходящего.

Ключевые слова: убийство, убийство матерью, убийство новорожденного ребенка, убийство во время родов, убийство после родов.

Конституция РФ в ст. 20 закрепила за каждым человеком право на жизнь. Статья 2 Основного закона государства гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Учитывая то, что государство в широком смысле – союз людей, это закрепленное Конституцией священное право принадлежит каждому жителю нашей страны. Однако не стоит забывать, что этому имеющемуся у человека праву корреспондирует соответствующая обязанность – не нарушать право другого на жизнь.

Как говорил известный философ М. А. Бакунин, «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». В бытовом аспекте это звучит так: свобода махать руками заканчивается там, где начинается нос другого.

Печально осознавать факт того, что в современном развитом обществе, во всем мире это основное правило не соблюдается, а естественное и первоначальное право на жизнь нарушается другими членами общества, несмотря на то что соответствующий запрет содержится в УК РФ.

Для того чтобы выработанный и установленный государством механизм защиты работал, необходимо определить, с какого момента начинает охраняться жизнь и что же является началом жизни в уголовно-правовом смысле. Отметим, что этот сложный вопрос возникает при квалификации содеянного как преступления, предусмотренного ст. 106 и 123 УК РФ.

В современной науке отсутствует серьезная дискуссия о моменте окончания жизни, так как там подход достаточно определен. По поводу момента, с которым прекращается уголовно-правовая охрана жизни, указания содержатся в ст. 9 Закона РФ «О трансплантации органов и

(или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. № 4180-1, которая закрепила, что заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения (т. е. Министерством здравоохранения РФ). В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и форма протокола установления смерти человека» моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). Заметим, что «биологическая смерть» следует за стадией «смерть мозга», поэтому формулировка правил не вызывает сомнений.

Напротив, вопрос о моменте начала жизни в уголовно-правовом смысле является очень дискуссионным, что как раз и предопределяет актуальность заявленной темы. Некоторые ученые говорят о том, что моментом начала жизни необходимо считать момент зачатия. Исследователи исходят из медицинской составляющей данного вопроса и ссылаются на мнение ученых-эмбриологов, в частности заведующего кафедрой эмбриологии биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (в настоящей момент бывшего) В. А. Голиченкова, профессора Д. В. Попова, американского доктора Эрнста Ханта. В результате слияния женской (яйцеклетки) и мужской (сперматозоида) половых

клеток возникает зигота – оплодотворенная яйцеклетка. Зигота – это уже новый организм на стадии одной клетки, в котором соединяется наследственный материал отца и матери, заложенный в наследственных структурах ДНК в виде генетического кода [10, с. 80].

Не обошли сторонники этой теории и религиозный аспект данного вопроса. Еще в 1993 г. Русская православная церковь обратилась на кафедру эмбриологии с вопросом: когда с точки зрения науки начинается человеческая жизнь? В результате церковь получила описанный выше ответ, который использует в своей деятельности по борьбе с таким социальным явлением, как аборт. Представители духовенства говорят о том, что только Бог награждает жизнью человека, а значит, никто не может распоряжаться ею. Эту точку зрения Русская православная церковь лоббирует с целью ее законодательного закрепления, что позволит квалифицировать аборт как преступление.

Давая оценку данной позиции, при этом признавая духовную составляющую вопроса, скажем, что подход достаточно слабый и неприменим на практике по следующим причинам. Первое: диспозиция ст. 106 УК РФ устанавливает ответственность за убийство ребенка, а не эмбриона или плода. Второе: при предлагаемом подходе любой, даже некриминальный аборт следует признать убийством, что в современных реалиях, конечно же, неверно.

Близок по своей природе предыдущему подходу, в соответствии с которым уголовно-правовая защита человека начинается с определенного срока беременности (7-я, 22-я или 27-я неделя развития плода). Сторонники этого подхода ссылаются на то, что при достижении определенного времени у плода сформировались собственные органы [12, с. 16]. На 7-й неделе размер эмбриона составляет приблизительно 11–13 мм. На 22-й неделе рост плода – около 19 см, вес достигает около 420 г. К этому сроку плод занимает правильное положение – головой вниз, наблюдается активная подвижность. На 27-й неделе плод имеет вес около 1 кг, рост около 30 см. Головной мозг весит около 100 г. Наблюдается повышенная двигательная активность плода.

Несмотря на все вышесказанное, думается, что данный подход также является не совсем верным по вышеуказанным причинам. В дополнение следует сказать, что даже если у плода и наблюдаются отдельные признаки «самостоятельного» человека, однако внеутробная жизнь, когда ребенок уже не зависит от матери, все же является качественно иной формой жизни с самостоятельным легочным дыханием, и приравнивать в этом смысле плод в утробе к родившемуся младенцу неверно.

Профессор Н. Г. Иванов считает, что началом жизни человека необходимо признать момент первого дыхания новорожденного. Думается, что эта точка зрения подлежит критике. Представим ситуацию: мать рождает ребенка, который не может сделать тот первый вздох, в связи с тем что при рождении родовые выделения закупорили ему дыхательные пути. В этот момент она берет пуповину, которая соединяет ее с ребенком, и душит ею свое чадо. Безусловно, это убийство. Видимо, данная ситуация опровергает этот подход [9, с. 39].

Ради справедливости в этот ряд можно поставить точку зрения профессора М. Д. Шаргородского, который придерживается аналогичной позиции, однако допускает важную, по его мнению, оговорку: «Плод должен быть отделен от утробы матери». Рассмотрим похожий случай: мать рождает ребенка, который по аналогичным причинам не может сделать вдох. В определенный момент мать наносит удар тяжелым тупым предметом в голову ребенка, который будучи отделенным от утробы матери, соответственно, умирает. Перед нами снова в чистом виде убийство. Думается, что последние два подхода недостаточно гуманные и не отвечают целям уголовного права [11, с. 81].

В начале прошлого столетия В. Н. Набоков указал, что началом жизни человека следует считать «появление из утробы матери какой-либо части тела ребенка». Несмотря на то что эта теория высказана достаточно давно, думается, что ее необходимо изучить, а не списывать со счетов [5, с. 208].

Применимость этого подхода хорошо покажет следующий случай. В процессе родов, когда ребенок уже готов появиться из утробы, мать, предотвращая это, засовывает руку во влагалище и сворачивает ребенку шею. С учетом того, что при родах шейка матки и влагалище растягиваются на 10 см и более, предложенная ситуация вполне возможна. При таких обстоятельствах с учетом диспозиции ст. 106 УК РФ мать избежит уголовной ответственности за явное преступление.

Иное мнение у А. Б. Мельниченко, М. А. Кочубея и С. Н. Радачинского, которые считают, что «жизнь становится самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны с момента появления ребенка во время родов, фактического (биологического) отделения его от тела матери». Эту позицию также можно подвергнуть критике, вооружившись примером выше [12, с. 100].

А. Г. Бабицев, говоря о начале жизни человека, имеет в виду начало его самостоятельного внеутробного существования. Что такое внеутробное существование? Полагаем, что это этап, при котором ребенок самостоятельно осуществляет свою жизнедеятельность, независимо от матери. Самостоятельно видит, дышит, вос-

принимает окружающий его мир. Однако эта позиция также не вызывает доверия по определенным причинам. Во-первых, вышеназванный пример это подтверждает; во-вторых, начало своевременных родов говорит лишь об одном – ребенок готов к самостоятельной внеутробной жизни. Отрицать это – означает противоречить здравому смыслу. Думается, что в этой связи необходимо перенести начало момента охраны жизни на более ранний этап, нежели фактическое начало внеутробной жизни [9, с. 59].

Обратимся к законодательному регулированию данного вопроса. ГК РФ в ст. 17 закрепил, что способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью.

В соответствии со ст. 53 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Часть 3 закрепила, что медицинские критерии рождения, в том числе сроки беременности, масса тела ребенка при рождении и признаки живорождения, а также порядок выдачи документа о рождении и его форма утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Исходя из буквального толкования этих положений, возникает вопрос: а как быть, если после полного появления головки живого ребенка из родового канала мать наносит смертельное ножевое ранение в область шеи?

Рассмотрим похожую точку зрения. Некоторые эксперты и ученые предлагают определять момент начала жизни и, соответственно, ее уголовно-правовой охраны на основании Приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». В соответствии с данным приказом моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Сам по себе момент отделения плода от организма матери является живорождением. Оно же в свою очередь определяется критериями и признаками. В приказе закреплены следующие критерии: 1) срок беременности 22 недели и более; 2) масса тела ребенка при рождении 500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах); 3) длина тела ребенка при рождении 25 см и более (в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна); 4) срок беременности менее 22 недель, или масса тела ребенка при рождении менее 500 г, или в случае, если масса тела при рождении неизвестна, длина тела ребенка менее 25 см, – при продолжительности жизни более 168 часов после рождения

(7 сут.). Признаки живорождения, закрепленные в приказе: 1) дыхание; 2) сердцебиение; 3) пульсация пуповины; 4) произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана ли пуповина и отделилась ли плацента. Важнейшим критерием, по мнению В. И. Кузнецова, который вместе с тем является сторонником данного подхода, является начало самостоятельного дыхания [11, с. 40].

В противовес этой точке зрения можно привести один реальный и необычный случай. В одном из американских городов 22-летняя Энджи Скалроу в целях избавления от ребенка ввела во влагалище дуло пневматического пистолета и выстрелила. Пуля вошла в мозг ребенка, который уже повернулся в чреве головой вниз. К счастью, ребенок выжил, рана в материнской утробе затянулась за пару дней, пуля осталась в голове ребенка, впоследствии была извлечена. Несмотря на относительно счастливый конец, возникает вопрос: если бы эта ситуация произошла в России (имеется в виду привязка к законодательству РФ) и имела печальный конец во время родов, когда ребенка еще совсем не видно, как бы определяли признаки живорожденности? В таком случае мать бы избежала ответственности, так как жизнь еще не началась (а ребенок *de facto* был живой и готов к внеутробной жизни).

Значение правильного определения данного момента – отграничение убийства от некоторых иных посягательств, в частности от криминального аборта или нанесения тяжких телесных повреждений по признаку прерывания беременности (первое отличается от второго наличием согласия беременной) [16, с. 237].

В процессе поиска решения данной проблемы сталкиваемся с вопросом: а почему нельзя использовать законодательство в этой части аналогично определению смерти, т. е. прямо следовать букве закона?

Отвечая на этот вопрос и одновременно подводя итог настоящего исследования, скажем следующее. Вопрос об определении моментов начала жизни и смерти регулируется соответствующими актами, которые являются составляющей такой отрасли права, как медицинское право. Оно же, в свою очередь, имеет иную цель регулирования (речь не идет об упорядочении общественных отношений): если это момент смерти, то регулируются проблемы правильного определения этого момента, регистрации смерти, возможности применения реанимационных мер, решаются вопросы, касающиеся трансплантологии и т. д. и т. п. Если это определение момента рождения, то здесь, аналогично, целью соответствующих актов будет регулирование следующих проблем: правильное определение момента рождения и живорождения в медицинских целях (именно то, что плод родился дей-

ствительно здоровым, способным осуществлять самостоятельную внеутробную жизнедеятельность), решение вопросов, касающихся применения реанимационных мер, регистрации рождения и т. д. и т. п.

Поскольку нас интересует уголовно-правовая охрана жизни, отметим, что УК РФ имеет совсем другие задачи: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств; обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Его не интересуют вопросы, имеющие медицинский характер, как, например, медицинское право. Соответственно, вопрос о моменте начала жизни в уголовно-правовом аспекте имеет качественно иную природу.

Поскольку в силу ст. 1 УК РФ единственным источником уголовного права как отрасли явля-

ется УК РФ (при этом не умаляется роль как источников уголовного права Конституция РФ и Постановления Пленума ВС РФ), обратимся к формулировке диспозиции ст. 106 УК РФ. Исходя из буквального толкования закона, напрашивается вывод о том, что наказывается «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов...». Соответственно, по нашему мнению, жизнь начинает охраняться УК РФ с момента наступления физиологических родов. В медицине под родами понимается физиологический процесс изгнания плода, плаценты с плодными оболочками и околоплодными водами из матки через родовые пути после достижения плодом жизнеспособности. Следовательно, уголовно-правовая охрана начинается с момента возникновения первых родовых схваток или, учитывая особенности организма некоторых женщин, с момента отхождения околоплодных вод.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 25. – Ст. 2954.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. О трансплантации органов и (или) тканей человека : закон РФ от 22 дек. 1992 г. № 4180-1 // Рос. газ. – 1993. – № 4.
6. Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и форма протокола установления смерти человека : постановление Правительства РФ от 20 сент. 2012 г. № 950 // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 39. – Ст. 5289.
7. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи : приказ Министерства здравоохранения от 27 дек. 2011 г. № 1687н // Рос. газ. – 2012. – № 64.
8. Агафонов А. В. Начало и конец жизни человека как уголовно-правовые категории / А. В. Агафонов, А. А. Ермилов // Сб. ст. – Красноярск, 2007. – № 5. – С. 204–207.
9. Бабичев А. Г. Актуальные вопросы начала и окончания жизни по уголовному законодательству России // Государство и право: теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). – Чита : Молод. учен., 2014. – С. 58–61.
10. Иванов Н. Г. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Н. Г. Иванов ; под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М. : Нов. юрист, 1998. – 245 с.
11. Кузнецов В. И. Уголовное право России. Особенная часть : учеб. пособие / В. И. Кузнецов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 558 с.
12. Мельниченко А. Б. Уголовное право: Особенная часть : учебник / А. Б. Мельниченко, М. А. Кочубей, С. Н. Радачинский. – Ростов н/Д : Феникс, 2001. – 384 с.
13. Попов А. Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в Российской Федерации // Криминалист. – 2013. – № 2(13). – С. 77–84.
14. Порсев А. Г. Уголовно-правовая охрана: Начало // Актуальные вопросы юридических наук : материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2012. – С. 87–89.
15. Проценко С. В. К вопросу об уголовно-правовой защите в российском законодательстве права внутриутробного ребенка на жизнь // РСЛ. – 2009. – № 5. – С. 15–18.
16. Смирнов В. А. Значение определения момента начала жизни при квалификации содеянного в качестве убийства // Материалы ежегод. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (г. Иркутск, апр. 2000 г.). – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2000. – С. 235–238.

M. V. Safronov

4th Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

**Once Again the Question of Defining the Beginning of Life for the Criminal-Legal Qualification
of the Offense as Murder**

Abstract. Despite the fact that the criminal code of the Russian Federation for more than twenty years, there are problematic issues in the qualification of some acts. In particular, the difficulties caused by article 106 of the criminal code. The aim of this work is to study the theoretical and practical options to solving this problem and the choice of the respectively most appropriate.

Keywords: murder, the murder of the mother, the murder of a newborn baby, murder during childbirth, murder after birth.

Публично-правовые ограничения и запреты трансграничного усыновления

© Фефелова Н. Д., 2017

Н. Д. Фефелова

студентка 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: nadezhdadmitrievna.fefelova@gmail.com

Научный руководитель:

Д. В. Шорников, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: abirvalg35@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые вопросы, связанные с трансграничным усыновлением. Речь идёт, прежде всего, об установленных государством ограничениях и запретах на усыновление российских детей, оставшихся без попечения родителей, иностранными гражданами. Предлагается ряд мер для преодоления проблем, возникающих в этой связи.

Ключевые слова: трансграничное усыновление, публично-правовые ограничения и запреты, усыновление детей.

Для всестороннего и гармоничного развития ребенка как личности ему необходимо расти в семье, иметь имя, фамилию и гражданство. В этой связи требуют пристального внимания вопросы усыновления (удочерения) детей, оставшихся без попечения родителей. Необходимо строгое соблюдение законодательства, особенно при передаче детей на воспитание в приемные семьи гражданам иностранных государств.

Нередко вопросы трансграничного усыновления являются предметом обсуждения мирового сообщества. Это может быть связано как с тем, что практически невозможно обеспечить надлежащее регулирование всех аспектов процедуры усыновления, так и с тем, что иногда можно столкнуться с абсолютно разными коллизионными нормами регулирования правоотношений в государстве, в котором ребенок появился на свет, и в так называемом принимающем государстве.

Работа по защите прав и законных интересов детей – граждан Российской Федерации, усыновленных гражданами иных государств, ведется в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, российским законодательством. Но приоритетными являются законы РФ и соблюдение прав детей согласно российскому законодательству.

Согласно ст. 124 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) «усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих род-

ственников» [5]. Данной нормой ограничивается право трансграничного усыновления, так как приоритет на усыновление отдается гражданам Российской Федерации. Иностранец может стать усыновителем лишь в том случае, если отсутствует возможность пристроить ребёнка в родной стране. Причем отсутствие этой возможности должно быть подтверждено документально. Такая норма является целесообразной для регулирования данного вида устройства ребёнка. Поскольку ребёнок – наиболее уязвимый субъект правоотношений и больше всего нуждается в защите, то для этого необходима полная нормативно-правовая регламентация процедуры усыновления, в том числе международного.

В том же СК РФ установлен срок, по истечении которого ребёнка могут усыновить не только граждане РФ, но и иностранные граждане. Этот срок составляет двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таких детях в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Тем самым ещё более подтверждается и закрепляется приоритетное право усыновления у российских граждан.

Федеральные органы исполнительной власти или органы исполнительной власти субъектов РФ ведут учет иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих усыновить детей, являющихся гражданами Российской Федерации. Посредством этого учета органы исполнительной власти могут тщательно и детально изучить всех претендентов на звание родителя и выбрать из всех желающих самого достойного. Таким образом, прежде всего защищаются интересы ребёнка, и реализуется главная задача усыновления, которая заключается не только в обеспечении ребёнка полноценной семьёй, но и в гармоничном развитии и надлежащем воспитании ребёнка. А надлежащее воспитание, в

свою очередь, возможно получить, только если этим воспитанием занимается ответственный и хороший родитель.

Документированная информация о детях, оставшихся без попечения родителей, и о гражданах, в том числе иностранных, желающих принять таких детей на воспитание в свои семьи, в региональном и федеральном банке данных о детях создаётся, во-первых, для учета сведений о таких гражданах в государственном банке данных о детях, во-вторых, для обеспечения доступа будущих родителей к содержащейся документированной информации о детях, оставшихся без попечения родителей, и, наконец, для оказания органами опеки и попечительства содействия гражданам РФ, иностранным гражданам, лицам без гражданства в выборе детей, которых они желали бы принять на воспитание в свою семью [2].

Законодательством РФ установлено, что все лица, в том числе и иностранные граждане, обязаны пройти специальную подготовку к усыновлению по программе, утвержденной органами исполнительной власти субъектов РФ [4]. Перечень органов, осуществляющих подготовку кандидатов в приемные родители, достаточно широк. Главным из них является орган опеки и попечительства. В случае отсутствия или недостаточности у органов опеки и попечительства организационных, кадровых, технических и иных возможностей его полномочия могут передаваться образовательным, медицинским организациям; организациям, оказывающим социальные услуги, и иным организациям. Перечень этих организаций остается открытым. У иностранных граждан, являющихся кандидатами в приемные родители, есть право пройти соответствующую подготовку на территории государства, в котором они постоянно проживают. Подготовка должна проводиться с учетом тематики и объема, который установлен в России. Такая подготовка будет, на мой взгляд, неэффективной, так как иностранные консультанты не смогут передать специфику поведения, мышления, развития российских детей, какие-то особые традиции, которых придерживаются в нашей стране, и, в конце концов, не смогут полностью подготовить гражданина к процедуре усыновления в Российской Федерации. Более того, у иностранных граждан появляется возможность, не проходя саму подготовку, просто купить сертификат о ее прохождении и другие документы, необходимые для успешного прохождения усыновления, так как проверить, проходил ли человек эту подготовку, фактически не представляется возможным. Во избежание проблем такого характера было бы целесообразным создать единый орган, который занимался бы подготовкой кандидатов в приёмные родители. Также необходимо отменить альтернативу прохожде-

ния подготовки к усыновлению иностранных граждан в стране их проживания и обязать их проходить эту подготовку в Российской Федерации с привлечением переводчика.

Разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребёнком по российскому законодательству должна составлять не менее 16 лет, а усыновителю по общему правилу должно быть не менее 18 лет. Однако есть страны, в которых установлена иная разница в возрасте. Например, во Франции усыновителю – 28 лет, разница в возрасте – 15 лет (ст. 343, 344) [6]; в Италии усыновителю – 35 лет, разница в возрасте – 18 лет (ст. 291) [7]. Тем самым у иностранных граждан тех стран, где установлена иная разница в возрасте, практически отсутствует возможность усыновить ребёнка из России, если эта разница меньше 16 лет. Российский законодатель всё-таки сделал небольшую оговорку в норме, регламентирующей разницу в возрасте: «По причинам, признанным судом уважительными, разница в возрасте может быть сокращена». Однако перечень причин, которые признаются уважительными, отсутствует.

Сравнительно недавно в России ограничили усыновление в страны с легальными однополыми браками. Усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением лиц, состоящих в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке. Посредством введения такого запрета охраняется нормальное функционирование психики ребёнка, его традиционное моральное и нравственное развитие.

Усыновление гражданами США детей из России также на сегодняшний день запрещено. До недавнего времени действовало Соглашение между Российской Федерацией и США о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей, подписанное 13 июля 2011 г. Однако с 1 января 2013 г. введен запрет на усыновление (удочерение) гражданами США детей, являющихся российскими гражданами. В связи с этим действие вышеназванного соглашения прекращено [3]. Запрещается не только усыновление детей гражданами США, а также ведение деятельности некоммерческих организаций и их представительств по подбору и передаче детей, являющихся гражданами РФ, на усыновление гражданам США. Принятием такого рода запретов отчасти решается проблема усиления защиты прав и законных интересов ребёнка, предупреждается возможность нарушений со стороны приемных семей, взявших на воспитание российских детей, и в других государствах.

О проблемах и сложностях в решении вопроса об усыновлении иностранцами говорит то, что такие дела рассматриваются исключительно высшей судебной инстанцией. Это суды республиканские, автономных округов или областные и краевые.

Таким образом, в России действуют ограничения и запреты на усыновление иностранными гражданами, если они:

- 1) не получают доход, достаточный для обеспечения усыновленного;
- 2) не имеют постоянного места проживания;
- 3) подвергались уголовному преследованию;
- 4) не прошли подготовки как желающие взять ребенка для воспитания [1, с. 6];
- 5) состоят в однополном браке;
- 6) являются гражданами США.

Система трансграничного усыновления имеет множество подводных камней. В основном это связано с законодательными и культурными различиями. Процесс создания единой системы затрудняет трансграничное усыновление, поскольку процедура усыновления во многих странах значительно отличается. Кроме того, существует ряд стран, в которых усыновление и вовсе недопустимо, поскольку это противоречит религиозным нормам, господствующим в них. Так, например, не позволяется усыновлять детей из стран Ближнего Востока и стран Магриба.

Часть стран западного мира намеренно вводят ограничение на усыновление иностранных детей ввиду специализированной миграционной политики. Данная проблема в настоящее время является особенно острой для многих стран Европейского союза.

Для достижения наиболее эффективной защиты прав российских детей, находящихся в приемных семьях, в том числе за рубежом, необходимо принять ряд правовых и управленческих мер. А именно:

- дополнить законодательные акты нормами, устанавливающими порядок прохождения программы подготовки к усыновлению (удочерению);
- целесообразным было бы создать единый орган, который занимался бы представленным выше вопросом;
- более детально проработать требования к кандидатам в приемные родители;
- исходя из практической деятельности, добавить приблизительный перечень причин, являющихся, по мнению суда, уважительными для снижения разницы в возрасте между усыновителем и усыновляемым;
- ужесточить ответственность за нарушение прав и законных интересов детей, нуждающихся в усыновлении (удочерении).

Список литературы

1. Миронов М. А. Нормативно-правовые аспекты усыновления детей граждан Российской Федерации иностранными гражданами и изменения их гражданства / М. А. Миронов, А. В. Червинская // Семейное и жилищ. право. – 2013. – № 6 – С. 6–9.
2. О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей : федер. закон от 16 апр. 2001 г. № 44-ФЗ // Парламент. газ. – 2001. – 19 апр.
3. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2012 г. № 272-ФЗ // Рос. газ. – 2012. – 29 дек.
4. О подготовке лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей : письмо Минобрнауки России от 24 авг. 2012 г. № ИП-713/07 // Вестн. образования. – 2012. – № 18.
5. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
6. The Civil Code of France [Электронный ресурс]. – URL: http://legifrance.gouv.fr/content/download/1950/13681/version/3/file/Code_22.pdf.
7. Translation of national legislation into English [Электронный ресурс] // The Library of Congress. – Washington, 2012. – № 2012-007612. – URL: http://loc.gov/law/find/pdfs/2012-007612_RPT_website.pdf.

N. D. Fefelova

4th Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Public-Law Restrictions and Prohibitions of Cross-Border Adoption

Abstract. In the article the legal questions connected with cross-border adoption are considered. It is, first of all, about the restrictions and bans which foreign citizens can face at adoption of the Russian children, who was left without care of parents, without their support. These restrictions and bans set by the state. A number of measures for overcoming these problems are proposed.

Keywords: cross-border adoption; public-law restrictions and prohibitions; adoption of children.

Проблемы формирования органов конституционного контроля: зарубежный опыт и российская действительность

© Чагин И. Б., 2017

И. Б. Чагин

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: vanyachagin@yandex.ru

Научный руководитель:

И. А. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: grafik@mail2000.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования органов конституционного контроля в России и зарубежных странах. Сравнение проведено по следующим аспектам: процедура назначения на должность судей конституционного суда, требования к кандидатам на должность судьи конституционного суда, а также срок полномочий судей как одна из гарантий их независимости. Проведя сравнительный анализ, автор приводит собственную точку зрения об оптимальном механизме формирования Конституционного Суда РФ с аргументированной опорой на зарубежный опыт.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, судьи, независимость судей, несменяемость судей, принцип разделения властей.

Эффективность функционирования государственной власти стоит в прямой зависимости от порядка и механизма формирования государственных органов, от того, какой способ для этого избран и закреплён в законе, соответствует ли он объективным обстоятельствам социально-политического развития государства, потребностям населения и принципам демократического и правового государства. Данная проблематика связана с важнейшими сферами государственной и общественной жизни и поэтому нуждается во всестороннем изучении.

В науке конституционного права и юридической практике продолжают дискуссии, обосновываются позиции, касающиеся способов и процедуры создания государственных органов, однако до настоящего времени ни правоведа, ни практики так и не уделили должного внимания вопросам формирования органов конституционного правосудия Российской Федерации.

Очевидно, что в определении закономерностей и вектора развития современной правовой системы России важную роль играет Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ). Данный орган конституционного правосудия, обладая исключительными полномочиями по толкованию Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., а также осуществлению контроля за соответствием Основному закону государства законов и иных нормативных правовых актов, занимает особое положение в системе органов государственной власти.

Содержание судебных актов КС РФ и их юридическая природа выходят за рамки привычного понимания негативного правотворчества и уже сейчас во многом определяют облик каждой отрасли российского права, вместе с тем КС РФ должен сохранять политическую беспри-

страстность и при принятии решений руководствоваться только правовыми мотивами.

Закрепление принципа политической независимости КС РФ – одна из главных задач, стоявших при разработке Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». В связи с этим следует констатировать, что порядок назначения на должность судей КС РФ определенным образом влияет на функционирование государственной власти, на построение правового государства и на состояние законности в стране в целом. Очевидно, что для органов конституционного правосудия, по сравнению с иными, наиболее актуальна проблема их независимости от политических сил.

Так, п. «ж» ч. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации относит к ведению Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации) полномочие по назначению на должность судей КС РФ [1]. В силу п. 1 ст. 173 Регламента Совета Федерации кандидатуры для назначения на должности судей КС РФ представляет Совету Федерации Президент РФ либо (по его поручению) полномочный представитель Президента РФ в Совете Федерации [3].

Согласно ст. 9 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ правом на внесение предложения о кандидатах на должности судей КС РФ Президенту Российской Федерации обладают: члены (депутаты) Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, а также законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, высшие судебные органы и федеральные юридические ведомства, всероссийские юридические сообщества, юридические научные и учебные заведения [2].

Действующее законодательство, регламентирующее порядок формирования КС РФ, содержит норму, согласно которой Президент РФ должен внести предложение в Совет Федерации о назначении другого лица на вакантное место судьи не позднее месяца со дня открытия вакансии, в случае если по причине выбытия судьи из состава КС РФ число судей окажется менее 2/3 от общего числа судей. Данная норма может негативно повлиять на принцип политической беспристрастности судей и в целом на независимость органа конституционного контроля. Если представить (гипотетически), что КС РФ вступит в конфронтацию с Президентом РФ и при этом в период политического противостояния между судебной и президентской властью из состава органа конституционного надзора произойдет выбытие судьи и число судей будет менее двух третей от общего числа, то при невнесении Президентом предложения о кандидатуре на должность судьи в Совет Федерации КС РФ может оказаться полностью «парализован» и не сможет функционировать как орган конституционного контроля. Для правового государства такая ситуация является априори недопустимой. Поэтому в целях обеспечения исполнения принципа независимости КС РФ на практике в действующий ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» следует внести изменения, предусматривающие либо альтернативную процедуру внесения предложения, либо установление обязанности главы государства вносить кандидатуру на должность судьи КС РФ в Совет Федерации в течение одного месяца со дня открытия вакансии в случае выбытия судьи, если число судей оказывалось менее девятнадцати.

Из анализа нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих порядок назначения на должность судей КС РФ, следует, что в процедуре назначения на должность судей КС РФ фактически участвуют два субъекта – это Президент РФ (либо по его поручению полномочный представитель) и Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Однако, как видно из положений ст. 9 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», законодатель также предоставил возможность участия в процедуре назначения на должность судей КС РФ и иным субъектам. Данная возможность заключается в праве ведомств, всероссийских юридических сообществ, юридических научных и учебных заведений вносить предложения о кандидатах на должность судьи КС РФ Президенту РФ, однако порядок внесения кандидатуры, а также порядок и сроки рассмотрения Президентом внесенной кандидатуры законодательством не предусмотрены, что, по нашему мнению, является недостатком действующего законодательства.

Следует отметить, что в большинстве зарубежных стран в процедуре формирования Кон-

ституционного суда задействовано гораздо больше субъектов. Так, например, в соответствии со ст. 65 Конституции Монголии от 13 января 1992 г. орган конституционного контроля включает в свой состав девять судей, при этом троих из них выдвигает Великий государственный хурал, троих предлагает Президент и троих – Верховный Суд. Назначаются на эти должности сроком на шесть лет Великим государственным хуралом. Председателем Суда Конституционного надзора избирается один из его судей большинством голосов членов этого суда сроком на три года. Председатель Суда Конституционного надзора может быть переизбран еще на один срок [5].

В Конституции Республики Кореи от 17 июля 1948 г. закреплено положение, согласно которому Конституционный суд включает в свой состав девять судей, судьи назначаются президентом, при этом трое назначаются по предложению Национального собрания и трое – из лиц, номинированных главным судьей [9].

Более детальное правовое регулирование закреплено в Конституции Турции от 7 ноября 1982 г. Так, в силу ст. 146 орган конституционного правосудия Турции включает в свой состав одиннадцать основных членов и четырех заместителей. Глава государства назначает членов Конституционного суда в следующем порядке: двух основных членов и двух заместителей от Высшего апелляционного суда, двух основных членов и одного заместителя от Государственного совета и по одному члену от Высшего военного апелляционного суда, Высшего военного административного суда и Счетной палаты. Все кандидаты выдвигаются общим собранием каждого суда абсолютным большинством от общего числа членов, включая председателя и их членов. Президент Республики должен также назначить одного члена из списка трех кандидатов, назначенных Советом по высшему образованию из числа преподавательского состава высших учебных заведений – не членов Совета, а также трех членов и одного заместителя из числа высших административных должностных лиц и юристов [7].

В некоторых зарубежных странах, наряду с определением предельного возраста для занятия должности судьи Конституционного Суда, устанавливается и ограниченный срок полномочий судей. Так, в соответствии со ст. 103 Основного закона Литвы от 25 октября 1992 г.: «Конституционный суд состоит из девяти судей, назначаемых сроком на девять лет и только на один срок полномочий. Состав Конституционного суда каждые три года обновляется на одну треть» [4].

Аналогичный порядок сменяемости судей закреплен в ст. 56 Конституции Франции от 4 октября 1958 г., в соответствии с которой Конституционный совет состоит из девяти членов,

полномочия которых длятся девять лет и не подлежат возобновлению. Конституционный совет обновляется на одну треть каждые три года. Трое членов назначаются главой государства (президент), трое – председателем нижней палаты парламента (Национальное собрание), трое – председателем верхней палаты парламента (Сенат), также в Конституционный совет Франции входят экс-президенты Республики [8].

По результатам сравнительно-правового анализа законодательства зарубежных стран и нормативных правовых актов РФ, регулирующих порядок формирования органа конституционного правосудия, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, порядок формирования судей Конституционного Суда РФ недостаточно урегулирован. Для демократизации процедуры назначения судей следует внести изменения в действующее законодательство РФ. Так, следует либо установить более детальное правовое регулирование порядка внесения и рассмотрения Президентом РФ кандидатур на должность судьи КС РФ, либо по аналогии с порядком формирования судей КС Турции установить обязанность Президента РФ вносить предложе-

ния кандидатов на должность КС РФ в Совет Федерации ФС РФ из числа субъектов определенного сообщества (судей, высших учебных заведений и т. д.).

Во-вторых, следует изменить порядок назначения председателя КС РФ. Так, в Российской Федерации председатель КС РФ назначается на должность Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации, однако в большинстве зарубежных стран председатель КС назначается на должность самими членами этого суда. Данный порядок назначения председателя КС должен быть заимствован российским законодателем, потому что избрание председателя Конституционного Суда судьями – одна из важных гарантий независимости Конституционного Суда, равенства прав судей.

В-третьих, для обеспечения исполнения принципа независимости КС РФ следует внести изменения, устанавливающие обязанность главы государства вносить кандидатуру на должность судьи КС РФ в Совет Федерации в течение одного месяца со дня открытия вакансии в случае выбытия судьи, если число судей оказывалось менее девятнадцати.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : постановление от 30 янв. 2002 г. № 33-СФ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 7. – Ст. 635.
4. Конституция Литвы от 25 окт. 1992 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru>.
5. Конституция Монголии от 13 янв. 1992 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru>.
6. Конституция Турции от 7 нояб. 1982 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru>.
7. Конституция Франции от 4 окт. 1958 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru>.
8. Конституция Южной Кореи от 17 июля 1948 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru>.

I. B. Chagin

Undergraduate, 1st Year Study, Law Institute, Irkutsk State University

The Problems of Forming Bodies of Constitutional Control: Foreign Experience and Russian Reality

Abstract. The article deals with the problems of forming bodies of constitutional control in Russia and in foreign countries. The comparison was conducted on the following aspects: the procedure for appointing judges to the constitutional court, the requirements for candidates for the position of judge of the constitutional court, as well as the term of office of judges as one of the guarantees of their independence. Having conducted a comparative analysis, the author gives his own point of view on the optimal mechanism for the formation of the Constitutional Court of the Russian Federation with a well-founded reliance on foreign experience.

Keywords: the Constitutional Court, judges, the independence of judges, the irremovability of judges, the principle of separation of powers.

Временная финансовая администрация как одна из мер федерального вмешательства в деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации

© Шмакова В. С., 2017

В. С. Шмаковамагистрант 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: valunia93@mail.ru

Научный руководитель:

Н. В. Колосов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: kolosovnv@mail.ru

Аннотация. Введение временной финансовой администрации с точки зрения законодателя является действенным механизмом по восстановлению платежеспособности субъекта Российской Федерации и муниципального образования, но, как показывает практика, данные нормы почти не применяются. В статье рассматривается правовое регулирование временной финансовой администрации как меры федерального вмешательства в Российской Федерации, понятие временной финансовой администрации, основания и цель ее введения, срок действия, полномочия и применяемые меры. С позиций материалистической диалектики в работе были использованы общенаучные и частнопроводные методы познания – логический, формально-юридический, системный. С помощью применения данных методов познания был проведен анализ законодательных положений о временной финансовой администрации, выявлены недостатки данного правового института. Автором предлагаются пути совершенствования и оптимизации имеющихся в законодательстве норм посредством устранения их главных недостатков, таких как: недостаточное законодательное регулирование ответственности органов публичной власти, в которых планируется ввести временную финансовую администрацию, в связи с этим и отсутствие практики ее введения в субъектах Федерации; отсутствие в Конституции РФ прямых оснований для определения уровня и пределов нормативного правового регулирования временной финансовой администрации как в субъекте Российской Федерации, так и в муниципальных образованиях.

Ключевые слова: временная финансовая администрация, субъекты Российской Федерации, местное самоуправление, федеральное вмешательство, государственная власть.

Значимым институтом повышения эффективности государственной власти является осуществление полномочий органов публичной власти другого, нижнего уровня. О реализации полномочий нижнего уровня власти высшим уровнем власти можно говорить применительно лишь к федеративным государствам.

Федеративная форма территориального устройства характеризуется самостоятельностью субъектов федерации, которые имеют свои конституции (уставы), законодательство и полномочия. Однако в некоторых случаях происходит ограничение такой самостоятельности со стороны федеральных органов государственной власти. Это ограничение в мировой практике называют федеральным вмешательством или федеральной интервенцией [4, с. 24].

Федеральное вмешательство может иметь различные формы. В зависимости от причины либо степени нарушения или отказа от соблюдения конституционных гарантий целостности государства в теории выделяются мягкие и жесткие формы воздействия. Одна из наиболее мягких форм финансово-экономического воздействия – введение института временной финансовой администрации (далее – ВФА). ВФА выражается во временном осуществлении федеральными органами государственной власти

бюджетных полномочий органов государственной власти субъектов федерации.

Правовой институт ВФА является достаточно новым для российской практики. Данный институт был введен в законодательную практику в 2003 г. путем внесения изменений в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2], Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. В целях развития положений федеральных законов Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ в 2004 г. (далее – БК РФ) был дополнен гл. 19.1 «Осуществление бюджетных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при введении временной финансовой администрации» [3]. Положения федеральных законов о ВФА вступили в силу для субъектов РФ с 1 января 2007 г., а для муниципальных образований – с 1 января 2008 г.

В БК РФ закреплено право Российской Федерации на временное осуществление отдельных бюджетных полномочий органов государственной

ной власти субъектов РФ. Цель введения ВФА и в субъекте Федерации, и в муниципальном образовании – восстановление платежеспособности публично-правового образования.

Ходатайство о введении ВФА в субъекте РФ подается в Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) Правительством РФ. ВФА вводится решением ВС РФ при осуществлении производства по делу о восстановлении платежеспособности субъекта РФ. Следует отметить, что в настоящее время такая категория дел в процессуальном законодательстве не выделена.

Согласно ст. 168.2 БК РФ ВФА вводится в случае, если возникшая в результате решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта РФ просроченная задолженность по исполнению долговых и (или) бюджетных обязательств субъекта РФ превышает 30 % объема собственных доходов бюджета субъекта РФ в последнем отчетном финансовом году при условии выполнения бюджетных обязательств федерального бюджета перед бюджетом субъекта РФ.

Но при этом важно определить, о просроченной задолженности за какой финансовый (отчетный) год идет речь. В части бюджетных и долговых обязательств вопрос решается по-разному. В бюджетных обязательствах – просроченная задолженность по обязательствам за последний отчетный год. В долговых обязательствах – накопленная сумма таких неисполненных обязательств по состоянию на момент вынесения судебного решения о применении ВФА.

Важным условием введения ВФА является выполнение бюджетных обязательств федерального бюджета перед бюджетом субъекта РФ. Принципиальное значение для решения вопроса о необходимости введения ВФА в субъекте РФ имеет тот факт, что просроченная задолженность возникла вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта РФ. В данном случае возникает вопрос: как соотносится просроченная задолженность, которая может возникнуть из-за того, что экономический потенциал не позволяет увеличивать собственные доходы, или, например, из-за непредвиденных обстоятельств, с действиями или бездействием органов государственной власти субъекта РФ [7, с. 113]. Судебное решение о введении ВФА должно не только констатировать наличие и объем задолженности, но и устанавливать, что это связано с деятельностью самих органов власти.

Законодательством установлен срок введения ВФА – согласно ст. 168.2 БК РФ ВФА вводится на срок до одного года. Остается неясным, кто будет осуществлять полномочия руководителя финансового органа субъекта по истечении срока ее полномочий. БК РФ не раскрывает процедуру урегулирования данной ситуации. В

данной статье не закрепляется порядок установления срока, поэтому можно предположить, что срок должен определяться решением суда.

Хотелось бы отметить, что на практике ВФА фактически не может быть введена на полный финансовый год, кроме случая, если ее введение не будет осуществлено к концу предыдущего финансового года.

Открытым остается вопрос о статусе ВФА. В БК РФ ВФА определяется как федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ, который должен подготавливать и осуществлять меры по восстановлению платежеспособности субъекта РФ, оказывать содействие федеральным органам государственной власти в осуществлении отдельных бюджетных полномочий органов государственной власти субъектов РФ, осуществлять и (или) контролировать осуществление отдельных бюджетных полномочий исполнительных органов государственной власти субъектов РФ. Из данного определения не совсем понятно, идет ли речь о существующем либо специально созданном для этой цели органе исполнительной власти, так как конкретно в статье этот орган не определен. Можно предположить, что это или Министерство финансов РФ, финансовые органы исполнительной власти субъектов РФ, или этот орган еще не создан [8, с. 101].

Исходя из норм законодательства, введение в субъекте РФ ВФА не является основанием для ограничения деятельности иных федеральных органов государственной власти, временно осуществляющих отдельные полномочия органов государственной власти субъекта РФ, а также функционирование ВФА не означает и прекращения деятельности нижестоящих органов [5, с. 31].

Из недостатков правового регулирования можно отметить то, что в законодательстве не содержатся нормы, четко определяющие субъектов публично-правовых отношений (сами публично-правовые образования или органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления) и устанавливающие их возможную ответственность в случае введения режима ВФА. Опираясь на федеральное законодательство, можно сделать вывод, что основными субъектами правоотношений в институте ВФА являются органы публичной власти [6, с. 41].

На наш взгляд, на федеральном уровне следует урегулировать вопрос ответственности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления муниципальных образований, в которых вводится режим ВФА. Деятельность ВФА осуществляется в пределах полномочий, установленных БК РФ, и в соответствии с утверждаемым планом восстановления платежеспособности субъекта РФ. Согласно ст. 168.3 БК РФ ВФА выполняет множество полномочий, совмещая в себе функции как

нормотворческого, так и контрольно-надзорного характера.

Во-первых, ВФА вправе определять направления расходования бюджетных средств.

Во-вторых, практически безусловно принятию и исполнению подлежат бюджеты публично-правового образования, а также нормативные правовые акты исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, подготовленные ВФА в соответствии с утвержденным ВС РФ планом восстановления платежеспособности субъекта РФ.

В-третьих, глава ВФА руководит ее деятельностью и представляет РФ в ВС РФ по делу о восстановлении платежеспособности субъекта РФ, согласовывает внесение изменений в нормативные правовые акты (проекты нормативных правовых актов) органов государственной власти субъектов РФ, предусмотренные планом восстановления платежеспособности.

Без согласия главы ВФА руководителем финансового органа субъекта РФ невозможно осуществление широкого круга полномочий. Глава ВФА наряду с руководителем финансового органа субъекта РФ применяет меры принуждения, предусмотренные БК РФ. В случае нарушения бюджетного законодательства РФ он имеет право назначить в органы исполнительной власти субъекта РФ своих представителей, к которым переходят все полномочия главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств. На основании решения суда глава ВФА может самостоятельно исполнять полномочия руководителя финансового органа. Данный перечень полномочий является открытым, поскольку в п. 1 ст. 168.3 БК РФ содержится ссылка на «иные полномочия, предусмотренные другими федеральными законами». В настоящее время таких федеральных законов нет. Несмотря на это, федеральным законодательством предусматривается деятельность ВФА исключительно в пределах восстановления платежеспособности субъекта РФ.

Из вышесказанного следует, что ВФА получает безусловный доступ к распоряжению финансовыми ресурсами субъекта Федерации, аккумулируя у себя обширный перечень полномочий, что на практике оборачивается фактическим отстранением от власти органов государственной власти и должностных лиц субъекта Федерации. Введением ВФА, которая фактически подменяет собой и законодательный, и исполнительный, и контрольный органы власти субъекта, отчасти нарушается один из осново-

полагающих конституционных принципов функционирования государственной власти – принцип разделения властей.

Исходя из существа полномочий, которыми наделяется ВФА, последняя не может быть отнесена ни к одному из видов федеральных органов исполнительной власти (федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств). Являясь временно действующим структурным образованием, сформированным для решения поставленных перед ним краткосрочных задач в отношении конкретного субъекта РФ, она напоминает, скорее всего, рабочую группу или комиссию [9, с. 10].

Наделяя ВФА большим объемом полномочий и рычагов воздействия, законодатель практически не урегулировал вопрос ее ответственности за результаты деятельности в подотчетном субъекте РФ. В БК РФ имеется только общая норма о персональной ответственности главы ВФА за реализацию возложенных на нее полномочий. В законодательстве не нашел отражения и вопрос о требованиях, предъявляемых к итогам деятельности ВФА, и критериях оценки эффективности ее введения в конкретном субъекте РФ. В качестве критерия можно назвать надлежащее осуществление органом власти возложенных на него полномочий.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов:

- ВФА рассматривается и как форма федерального вмешательства, и как помощь со стороны федерального центра, выражающаяся в механизме финансового оздоровления бюджетной и отчасти экономической системы субъекта РФ;
- Нормативное правовое закрепление оснований введения, процедур осуществления ВФА в законодательстве РФ не имеет под собой конституционно-правовых оснований. В Конституции РФ отсутствуют прямые основания для определения уровня и пределов нормативного правового регулирования ВФА как в субъекте РФ, так и в муниципальном образовании;
- недостаточное законодательное регулирование ответственности органов публичной власти, в которых планируется ввести ВФА, в связи с этим отсутствие практики введения ВФА;
- требуется законодательно дать ответы на многие практические вопросы: например, определение статуса руководителя ВФА, ответственность за успешные результаты или негативные результаты ее деятельности и др.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
4. Авакьян С. А. Федеральное вмешательство: концепция и проект федерального закона / С. А. Авакьян, А. М. Арбузкин, А. М. Аринин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2000. – № 6. – С. 20–48.
5. Васюнина М. Л. Правовые основы организации временной финансовой администрации в субъекте Российской Федерации или муниципальном образовании // Финансы и кредит. – 2006. – № 5 (209). – С. 31–38.
6. Дементьева О. А. Временная финансовая администрация как институт ответственности публичной власти // Журн. рос. права. – 2013. – № 9 (201). – С. 31–42.
7. Законодательное регулирование временного осуществления полномочий органов публичной власти другого уровня: основания и пределы / Л. В. Андриченко, А. Н. Домрин, В. А. Сиwickий, А. Н. Чертков // Журн. рос. права. – 2005. – № 3. – С. 100–126.
8. Комментарий к Бюджетному Кодексу Российской Федерации / под ред. Е. А. Грачевой. – М. : Проспект, 2009. – 576 с.
9. Шашкова Е. М. Временная финансовая администрация в системе мер федерального вмешательства // Конституц. и муницип. право. – 2008. – № 2. – С. 8–12.

V. S. Shmakova

Undergraduate, 2nd Year Student, Law Institute, Irkutsk state University

Temporary Financial Administration as one of the Measures of Federal Intervention in the Activities of State Authorities of the Subjects of the Russian Federation

Abstract. The Introduction of temporary financial administration from the point of view of the legislator is an effective mechanism to restore the solvency of the subject of the Russian Federation and municipal entities, but as practice shows, these rules are hardly used. This article examines the legal regulation of temporary financial administration as a measure of Federal intervention in the Russian Federation, the concept of temporary financial administration, the Foundation and purpose of its introduction, the validity, authority, and measures taken. From the standpoint of materialistic dialectics in the study were used General scientific and private methods of cognition – logical, formal legal system. By applying these methods of knowledge was the analysis of legislative provisions on interim fiscal administration identified the disadvantages of this legal Institute. The author offers ways of improvement and optimizing of existing legislation by eliminating their main drawbacks. Such as insufficient legal regulation of liability of public authorities, which is planned to introduce a temporary financial administration in this regard and the lack of practice of its introduction in the regions; the lack in the Constitution of the Russian Federation direct basis to determine the level and limits of legal regulation of the interim fiscal administration in the subject of the Russian Federation and municipal formations.

Keywords: the temporary financial administration, the subjects of the Russian Federation, local government, Federal intervention, state power.
